

Виорэль Ломов

Неодинокий Попсуев

Роман-мозаика

Виорэль Ломов
Неодинокий Попсуев

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ломов В. М.

Неодинокый Попсуев / В. М. Ломов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Роман о провинциальной русской жизни на стыке веков и на сломе человека, семьи, государства. Главный герой Сергей Попсуев, выпускник столичного вуза, на закате горбачевской перестройки приезжает по распределению в областной город Нежинск. Впереди у него девяностые «лихие» годы, время, наполненное работой, творчеством, любовью, метаниями, мистикой, победами и поражениями; Попсуев нередко ощущает себя Сирано де Бержераком и совершает поступки, продиктованные ему характером его кумира.

© Ломов В. М., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

От Автора	6
Пролог. Девочка	7
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виорэль Ломов Неодинокый Попсуев

*Тебя, милый мой сын, жители Сеуты считают слегка помешанным:
это следствие их темноты.*

Ян Потоцкий

Есть лишь одно страдание: быть одиноким.

Габриель Оноре Марсель

От Автора

В Нежинской картинной галерее (справа под лестницей) в начале этого столетия появился замечательный портрет мужчины с горящим взглядом. Возле него искусствовед Диана Горская завершает свои экскурсии.

«Перед вами, господа, образ молодого мужчины, нашего земляка, Сергея Попсуева. Работа исполнена в характерной для современной итальянской школы манере: спонтанный мазок, случайный ракурс... Художнику Луиджи Ванцетти (вот, в уголке подпись *Luigi Vanzetti*) удалось передать харизму Попсуева. Вглядитесь в его глаза. Не правда ли, кажется, что они видят то, чего не видим мы? Портретист вырвал лишь миг из жизни Попсуева, но в нем смог запечатлеть вечность. А видели бы вы, господа, его стать! Это Аполлон, Дорифор...»

Роман о Попсуеве, с которым я знаком уже много лет, написан сам собой. Это мозаика из отдельных дней Сергея и его поступков, которые отложились в моей памяти. Кое-какую информацию о Попсуеве я почерпнул также в газетных статьях о нем и в «Записках» самого Сергея. Несколько неправдоподобных, на первый взгляд, событий на самом деле были.

Пролог. Девочка

Прощай, иллюзия! Я счастлив был – во сне...

Эдмон Ростан

Выдалась светлая ночь. На платформе никого не было.

«Почему, – рассуждал Попсуев, – когда выпьешь, ночью светлеет. Во всяком случае, освещает что-то внутри, будто и на самом деле есть душа, – усмехнулся он, садясь на лавочку. – Особенно, когда один».

Нет, оказывается, под навесом было несколько человек. В свете фонаря белело женское лицо. Такие лица бывают в мистических японских фильмах. Казалось, женщина смотрит в его сторону. Вдруг он почувствовал щекой или еще непонятно как, что на лавочке справа кто-то сидит. Глянул и вздрогнул – девочка лет десяти, в легкой курточке.

– А ты что тут делаешь? – спросил Сергей. – Ты когда подседа?

– Давно.

– Где твой? – машинально спросил он, приглядываясь к женщине под навесом.

– Не знаю, – ответила девочка.

– Заигралась, поди? – Попсуев почувствовал прохладу, пожегся, снял свою куртку, накинул девочке на плечи. – Отстала?

Девочка не отвечала. «Странная, – подумал Попсуев, – мамаша тоже хороша. Без нее, что ли, умотала в город? Если даже спохватилась, из города последняя электричка уже прошла...» Девочка не была похожа на беспризорную.

– Нет, я не отстала, я всю жизнь живу здесь.

– На даче? – удивился Попсуев. – И зимой?

– Нет, здесь, на остановке.

Попсуев помялся, не зная, что делать. Он решил, что ослышался, но переспрашивать не стал – из-за поворота показалась электричка в город, последняя на сегодня. На мгновение-другое небывало яркий свет фонаря электрички ослепил его.

– Постой-ка, заберу. – Он достал из куртки паспорт и кошелек. Вынул сто рублей, вложил девочке в руку, накинул куртку ей на плечики. – Поехал. Может, со мной?

– Нет, – ответила девочка, – я останусь тут.

– Как знаешь. Пока.

– До свидания, дядя.

За поручень вагона взялась женщина, довольно молодая, задержала на нем взгляд.

– Вы проходите? – голос, как и положено, чуть-чуть ворковал.

Попсуев пропустил ее вперед, помахал девочке рукой и вошел в вагон. Женщина расположилась на сиденье лицом к Попсуеву и, кажется, смотрела на него. Сергей бросил последний взгляд на девочку. Та сидела на скамейке, глядя под ноги. Над ее головой висела полная луна. На платформе никого больше не осталось, и оттого пустое, залитое голубоватым светом пространство казалось жутким. Двери стали закрываться, Попсуев соскочил на площадку.

– Что же ты, так всю ночь будешь сидеть? Замерзнешь ведь!

Девочка что-то сказала, глядя вслед удаляющейся электричке, притронулась рукой к куртке. В кулачке ее была зажата сотня.

– Пошли ко мне, пошли-пошли, – буркнул Сергей не то чтобы раздраженно, но недовольно. – Чего торчать тут? Электричек больше не будет.

Попсуев удивился тому, что мысленно оправдывается перед этой малышкой за свое раздражение. Словно виноват перед нею! Девочка и не думала встать. Но в ее взгляде – в свете луны – появилось что-то не по-детски загадочное. Сергею на мгновение стало не по себе.

– Ну, чего сидишь? Пошли.

Девочка встала, взяла его за руку. Ладонка ее была маленькая, не доставала и до половины ладони Попсуева. В другой руке у нее была кукла.

– Вы не думайте ничего, дядя.

– А я и не думаю ничего, – пробормотал Сергей. «Ехал бы сейчас домой, – думал он, – ведь завтра с утра дурдом...» – Как куклу-то звать?

– Оксана.

– А тебя?

– И меня Оксана.

– А маму?

– Оксана.

– Надо же, – сказал Попсуев, сводя лопатки, чтобы не было так холодно. – Страна Оксания. А меня Сергей.

– Оксания! – рассмеялась девочка. Сергей невольно тоже хихикнул, больше над самим собой. «Невеселый какой-то смех». Он почувствовал, как детские пальчики сильнее сжали его ладонь. В ответ он слабо пожал и ее ладошку. «Как трогательно! Чего ж делать-то? Есть хочется».

– А мама где, папа? – еще раз спросил Попсуев.

Девочка не ответила.

– Тебе сколько лет, Оксана?

– Не знаю, дядь Сереж, – беззаботно бросила малышка. – Сто, наверное.

К реке шли между заборами, спуск был поначалу пологий, а потом крутой, с промытыми дождями двумя канавками, расширяющимися к реке и сливающимися в одну широкую. Через реку был мост, и на мосту вдруг возникло ощущение безграничности всего: реки, неба, дороги. Девочка остановилась, высвободила руку.

– Что? – спросил Попсуев. – Скоро придем. За мостом в горку, и придем.

– Смотри, как красиво там, – Оксана махнула рукой в глубину темноты, в которой светила вода.

– Да, красиво.

– Это вечность.

– Что? – удивился Попсуев.

– А ты один живешь?

– Да, один. С чего ты взяла?

– Да видно сразу. Если б не один, не соскочил бы с электрички. Ехал бы сейчас домой, к жене, детям. А так у тебя дом там, где ты. Ты один. Я одна. Оба одни.

Попсуев уже дрожал от холода.

– Оба вдвоем. Пошли, пошли, холодно. Видишь, пар изо рта идет.

– Прости, дядь Сереж, я же в твоей куртке, и мне тепло, – Оксана снова взяла его за руку. Ладонка ее была сухой и теплой. – Смотри, смотри! – Она выпустила куклу из другой руки, и та как-то коряво полетела вниз и шлепнулась о воду.

– Зачем ты так?

– Теперь ты у меня есть. А ее я возле ларька нашла. Она всё равно чужая.

Они прошли лугом, на котором ощущение безмерности пространства только усилилось, потом прошли мимо черемухи, потом еще одной, еще – тут дачники собирали ягоды для понижения давления.

– Я здесь черемухи объелась.

– Давление сбивала? – спросил Попсуев.

– Нет, набивала брюхо. А ты тоже собираешь, да?

– В этом году нет.

– В этом нет, так другого тоже нет.

«Забавно. Это у нее просто так сорвалось с губ, или она понимает всё? Услышала, наверное, от кого-нибудь... Дети такие переимчивые». Странное чувство нереальности происходящего только усилилось. «Будто во сне. Но то-то и оно, что во сне так не бывает. Там нет этого ощущения безмерности жизни, там обязательно что-то давит. Давит, давит, а вот черемухи для уменьшения этого давления нет. И тебя куда-то несет, или ты несешься сам. Но сейчас-то я никуда не несусь? Разве что согреться да поесть».

– А мои все давлением мучились. Я ушла от них.

– Не искали?

– Почему я знаю?

Сергею до того стало жаль эту девчущку, что он захотел выпить.

Они поднялись в горку, зашли на территорию дачного общества. Во дворе сторожа Помпей, встав на задние лапы и «облокотившись» об изгородь, молча разглядывал прохожих.

– Большой какой!

– Помпей, – сказал псу Попсуев, раздумывая, зайти или нет к Викентию за бутылкой. У того всегда было, что выпить. «Ладно, проехали». Псина глухо заурчала, прожевывая недовольство, заглотнула его, опустилась на землю и полезла в громадную будку возле крыльца.

– У него настоящий дворец. Я бы запросто там жила!

– Наш с тобой дом там... А твои родные тут, на Колодезной?

– Нигде.

– Так. Ладно, проходи, тут осторожнее, канавка.

Они зашли в дом. Сергей достал из потайной ниши плитку и чайник.

– Вот же черт! Воды-то нет, всю вылил, чтоб зимой не замерзла. И еды никакой. Чего делать теперь?

– Спать. Хочу спать.

– Спать так спать. Залазь в спальник, не замерзнешь. На свитер, он чистый.

Девочка, похоже, уснула сразу же. Сам он долго не мог уснуть. Хотелось есть, было холодно и тревожно. Вроде задремал, но вдруг понял, что это *та* девочка. «Как же я сразу не догадался? А, не хотел просто». От тоски и чувства одиночества захотелось исчезнуть с земли, испариться, как легче тепло.

...Девочка на высоком крыльце, лазит по перилам. Вдруг соскальзывает с них, падает – медленно, не как в жизни, а как в кино, падает, падает, превращается в бабочку и в момент соприкосновения с асфальтом взмывает над ним, вспархивает – спасается!

Сергей вздрогнул. Этот сон часто снился ему. Даже не сон, а так, полудремотное состояние. Поначалу, в первых снах бабочки не было, девочка медленно падала, а потом, так и не упав, оказывалась стоящей на тротуаре. Стоит, как ни в чем не бывало, глядит на него и смеется, а не плачет. (Вообще-то она тогда ревела, размазывая беленькими веснушчатymi ручонками слезы по грязным щекам; и лицо ее белело, как маска, хотя всю жарил лето). Момент падения на асфальт вырезан, как кадр. «Кто же это режиссирует мои сны? Лет пять назад она вдруг превратилась в бабочку. Что это, метаморфозы сна или моей совести? Странно, видел ее пять минут, падала она мгновение, а вся моя жизнь оказалась соразмерной этим минутам и нанизана на этот миг... как бабочка на иглу. Упала-то вниз головой – с высоты трех метров!»

Он снова задремал и снова увидел замедленную картину ее падения. Жуткую и безмолвную. Причем его не покидало ощущение, что он в состоянии поймать девочку, вот же она, только протяни руки – но рука не слушалась его. С высоты трех метров – тут и гадать не надо, как сильно она ударилась! Бедная головка... Это мячику хоть бы что. Что-то отвлекло тогда его, девочка куда-то исчезла, а он стал зачем-то в асфальте искать вмятину от ее падения.

«Да не в этом дело! Дело в том, что я тогда мог согнать девчущку с перил, хотел согнать, но поленился согнать! Тогда бы и падения того не было!» Сергея всего передернуло. Ему пока-

залось, что он вспомнил лицо девочки и посмотрел на Оксану. Лица не было видно. «Уснуть бы», – думал Попсуев. Иногда хочется уснуть и не выходить из сна, как из детства. Он так и не уснул. Лежал на спине, глядел в потолок и просматривал то, что показывала память.

Потом встал, оделся и вышел во двор. Стало светать. Подморозило. «Чего ж теперь делать, – размышлял Сергей. – Во-первых, надо что-то поесть, а, во-вторых, что делать с девочкой?» Попсуев достал из кармана расписание – через сорок минут электричка. Следующая через полтора часа. «Околеешь тут. Магазины вряд ли откроются раньше десяти. А может, и вообще не откроются. Надо ехать домой».

Девочка проснулась и сидела на скамейке, болтая ногами. Попсуев погладил Оксану по голове. Та прижалась к его руке.

– Она у тебя хорошая. Не бьет.

– Кто? – не понял Сергей и тут же понял: рука. – Вставай, надо ехать, а то тут ни поесть, ни попить, и топить нечем.

– А мои забором топят.

– Они тут, что ли?

– Да нет, это раньше, а сейчас их нет нигде. Сгорели. Напились и сгорели. Я их будила, а они не разбудились.

От этой новости Попсуев присел на кровать.

– И как же теперь? – спросил он непонятно у кого. До этой минуты он всё же надеялся найти как-то девчужкину родню. «Да-да, на той стороне сгорел три дня назад дом. Говорили: бомжи сожгли».

– А что как? Жить.

Понимая нелепость улыбки в этот момент, Сергей улыбнулся.

– Ладно, будем жить. Вставай. Одевайся. Уборная направо. Справишься?

– Не хитра наука.

Попсуев спрятал в нишу плиту и чайник.

– Скорей! Через полчаса электричка. А тут пути минут двадцать.

Когда они поднялись на мост, Оксана на середине реки сказала:

– Зря я куклу в воду бросила. Грех это.

– Ну, она же умеет плавать. – Сергей соображал, какая тут высота моста. Метра четыре, наверное. Всяко больше трех. Ему вдруг пришла мысль, что это вовсе и не та девочка, а Несмеяна. «Пришла невесть откуда... баттерфляем плавала... красиво, грациозно даже... не как мужчины...»

– Зря-зря. Не по-людски. Похоронить ее надо было.

– Странно, – сказал Попсуев. – Дни так быстро, так незаметно летят, словно не имеют ко мне никакого отношения. Словно во мне и не живет самая распространенная человеческая иллюзия, что эти дни мои.

– Чего ж тут странного? – удивилась девочка. – Это ж так естественно. Чтобы прошлое оставило тебя, надо перестать беспокоиться о будущем.

Сергей дико взглянул на нее и, вскричав: «Это ты?! Ты!», прыгнул с моста в воду.

– Во дурак! – услышал он ее слова.

– Шалишь, милая, – сказал Сергей. – Я не дурак. Это я только подумал о том, что прыгну. Ни девочки, ни моста, так – дурацкие воспоминания!

...Прошипев и лязгнув, закрылись двери, электричка тронулась. «Странно, что у любого из нас всё самое важное в жизни связано с дорогой. Нет, не странно. Забавно». Не хотелось открывать глаза. Лень было взглянуть на часы. «Уехать бы сейчас куда-нибудь к чертовой матери, а еще лучше улететь на какие-нибудь острова... Соломоновы... Где это?.. и никогда больше сюда не возвращаться, никогда-никогда... вот только бы без боли... или, наоборот, с болью, невыносимой, жуткой, сладкой, чтобы очиститься, наконец...»

...Сказано – сделано. Уже и к регистрации выстроились в аэропорту, душно, но тут рейс перенесли, потом еще раз. Переносили-переносили, а потом и вовсе отменили. Дело за полночь, толпой пришли в гостиницу.

– Только общие комнаты, – сказали и растолкали кого куда.

Было не до удобств, страшно хотелось спать, лишь бы голову на подушку склонить. Попсуев пригляделся, куда прилечь. В жидком свете из коридора насчитал шесть кроватей, занял пустую у стены. И непонятно, уснул он или не нет, но вдруг почувствовал поцелуй. Открыл глаза, над ним склонилась женщина необычайной красоты. Сергей сам не заметил, как оказался у окна в длинной до пят ночной рубашке, сердце его колотилось, и он испытывал безмерное счастье. Он даже раскинул руки в стороны, понимая, что смешон, и тут же говорил себе: нет, трогателен.

Рассветало. Сколько видел глаз – серебряная сверкающая трава на спящей еще земле. Значит, лето на дворе. Да, соловей поет. Или тонко так кто-то свистит с переливами во сне? Почувствовав взгляд, оглянулся. На всех кроватях спали. За столиком сидела дежурная по этажу и, казалось, о чем-то хотела спросить его. Попсуев скользнул мимо нее, боясь чего-то (а вдруг это она, красавица, Несмеяна?), и – проснулся.

«Какой чудный сон», – думал Сергей, вспомнив, что перед ним он в предыдущем сне что-то говорил девочке, той самой... «Почему наяву не бывает так хорошо? Чтоб вот так вот, в рубашке у окна, руки в стороны, взгляд в безбрежность утра, испытать блаженство и покой. Покой, неведомый до этого, которого хватит теперь на всю оставшуюся жизнь. Всё, что происходит наяву, так быстро забывается. Никакого следа. Всё что железно, всё никак. Но почему я испугался и прошел мимо Несмеяны?»

– А вам что, особое приглашение? – заглянула в вагон женщина в форме, совсем не отвечавшей ее содержанию. – Приехали, гражданин, вокзал.

«Вокзал, – подумал Попсуев, раздирая в зевке рот, – тот самый, что за одну остановку до конца света, всего-то двенадцать лет назад».

Часть I. За одну остановку до конца света

И ад, и земля, и небо с особым участием следят за человеком в ту роковую пору, когда в него вселяется эрос.

Владимир Сергеевич Соловьев

Чего не сошел и чего не остался?

– В тот год осенняя погода стояла долго на дворе, – бормотал Попсуев, плюща нос о вагонное стекло, за которым мелькали столбы, скользили, провисая и натягиваясь, белесые провода и медленно вращалась покрытая снегом Ишимская равнина.

Конец марта уже, а за окном зима зимой. Попсуев вторые сутки ехал по распределению в научный и промышленный центр Сибири Нежинск.

– Крупный город-то, Нежинск ваш? – спросил он на платформе Ярославского вокзала у крепко сбитой проводницы.

– А то! – ответила та. – Не промахнешься.

– Театры есть?

– И не только. – И шапочку кокетливо подбила крепкой рукой.

Первые сутки пролетели незаметно. Целый день Сергей развлекал трех симпатичных и смешливых попутчиц фокусами. Демонстрировал силу брюшного пресса, играл в дурака, угощал вином.

– Свердловск! – постучала в семь утра проводница.

В Свердловске девушки вышли, оставив недоеденную снедь. В купе расположились бабка с чемоданом и двумя сумками и мамаша с девочкой, с единственной авоськой, наполненной едой. Вроде как всё без затей, но знакомства с ними не получилось. Сергей для начала вынул изо рта два вареных яйца, но от этого девочка только разревелась, а бабка проверила, на месте ли багаж.

От греха подальше Попсуев полдня проторчал возле окна, мешая расторопной проводнице наводить порядок в вагоне. Время словно обернулось в снег за окном. Картина была однообразна до жути. В обед началась снежная буря, замазав и без того серо-белый пейзаж. Не прошло и часа, как поезд вошел в снежный тоннель, края которого были вровень с крышами вагонов.

– Через полчаса Нежинск, – разбудила утром проводница.

– А за Нежинском что?

– За Нежинском? Да ничего, конец света.

Попутчицы спали. Сергей осторожно снял сверху свой чемодан и спустился на перрон. Вокзал был не меньше Ярославского, но всё же меньше. Дул хоть и сырой, но еще по-зимнему морозный ветер. «Надо же, в Москве трава пробивается, а тут снег лежит до вторых этажей. Хоть похоже на Россию, только всё же не Россия. Или это и есть Россия?» На троллейбусе Сергей доехал до заводского общежития. В салоне было слышно, как завывает ветер. Все молча глядели в замерзшие окна.

Весь воскресный день Попсуев промаялся в общаге, тупо глядя на окно (буря улеглась), дверь, обои, потолок. Ему предстояло провести здесь годы своей жизни, и оттого было нерадостно. «Ничего, начнутся трудовые будни, а с ними и трудовые подвиги». – Сергей не сомневался в успехе: спорт дал ему радость побед, красный диплом, славу какую-никакую, хотя едва и не укукошил его на подступах к спортивному Олимпу.

Ближе к вечеру Попсуев поехал на автобусе в центр, изучать полупустые перестроечные магазины и заодно посмотреть какой-нибудь фильм. Глядя на женщин, галдящих возле лотка с сыром, вспомнил Светку с кафедры. «Чего не остался, предлагала же жениться... Вкусал бы плесень «Рокфора». Чего носятся с ним? Из-за плесени?»

А в это самое время...

А в это самое время, когда Попсуев развлекал трех девиц, на заводе, куда он ехал, на пятнадцатиградусном морозе под завывание норд-оста грузчики крепили контейнеры к железнодорожной платформе. Отверстия траверс никак не хотели попадать на крепежные стержни... Намучившись с одной платформой, грузчики бежали греться в помещение. Пили чай, стучали в домино, травили анекдоты. Их красные с резкими чертами лица украсили бы любой пиратский барк.

На стене под вывеской «Место для курения» висел большой портрет Карла Маркса, не одна его голова с седой бородой, как свидетельство материализации призрака марксизма, а еще и верхняя половина туловища в добротном черном костюме. Прямо под Марксом работники и лупили костяшками домино по квадратному столику, крытому белым пластиком, середина которого от многолетнего размешивания костяшек и пиетета перед классиком политической экономии стала черной. Слева от портрета висела схемы строповки грузов, справа – эвакуации из помещения при пожаре. Было проще выйти в дверь, чем понять, зачем эта схема нужна.

Два разбитых, пожелтевших от времени и информации радиоприемника источали местные и союзные вести о горбачевской перестройке, а два крана с горячей и холодной водой для смешивания соединялись над допотопной, в страшных язвах раковиной в одну резиновую трубку. Независимо от крана, температура воды оставалась неизменно прохладной круглый год. Два кожаных кресла, попавшие сюда не иначе как из ставки адмирала Колчака, выгодно

смотрелись на фоне деревянных скамеек, от зеленой окраски которых остались редкие нити на сером дереве. У стены стояли пустые сейфы с огромными навесными замками, тут же лопаты и ломы для уборки снежных заметов и наледи.

Забежал конторский работник, куратор цеха, и стал требовать цепи. Все, разумеется, про цепи услышали первый раз в жизни, и никто не знал, о каких цепях идет речь. Конторский стал красочно расписывать эту единственную собственность пролетариата, называя ее марку и ГОСТ, но азарт мешал привставшим с жестких стульев игрокам вслушаться в его слова. Именно так делили когда-то на трехмачтовом барке добычу пираты.

Наконец, под страшный стук победной костяшки и рев «Рыба!», игроки дружно послали конторского туда, куда хотели послать его целых две минуты до этого. На зюйд-вест, в сторону заводоуправления, только еще дальше. Проигравший стал бляеть на портрет Маркса, а остальные сели, размешивая кости для новой партии. Не успели разобрать их, как в комнату вошел здоровяк в шубе нараспашку.

– Ну, кто козел, а кто «жопа»? – прогудел он и не успел глазом моргнуть, как все игроки уже оказались на платформе.

– Не хотишь ли чайку, Никита Тарасыч, для сугреву? – предложил замешкавшийся бригадир и тоже выскочил на свежий воздух.

День первый

В понедельник Попсуев позавтракал в буфете и по морозцу подался пешком на завод. Справа за высоким забором тянулись здания, слева грохотали грузовики. Навстречу прошкондылял спортивным шагом лысый бородатый мужик в трусах и майке. «Уже веселее... Пробьемся... Прямо в директора», – стучало у Сергея в висках от быстрой ходьбы. Стучали еще и зубы – пальтишко, купленное в Риме, не согревало. Попсуев с третьего курса, еще до злополучной травмы, видел себя директором завода, почему-то похожим на Сирано де Бержерака. При распределении он специально выбрал «Нежмаш», давший отрасли пять начальников главков, министра, академика и несколько докторов наук.

В заводоуправлении продрогший Попсуев нашел отдел кадров, на двери была фамилия Дронов. Усадив молодого специалиста на стул, кадровик расспросил его, попросил паспорт, диплом и направление.

– Ну что ж, сейчас устроим тебя.

Трудоустройство Дронов начал с ветра такой силы, что поколебал тюль на окне.

– Эка, пробирает! Минутку! – забросив документы в сейф, Дронов с грохотом повернул ключ и выскочил, оставив дверь открытой.

Кабинет украшали два сейфа, металлический шкаф с пожелтевшими рулонами ватмана наверху. На столе ни одной бумажки, на стенах картинки и фотографии. В дверях возник богатырь в шубе и прогудел:

– Дронова нет? Как ни зайдешь – нет! Ветром, что ли, его носит где? – и исчез, окинув молодого специалиста оценивающим взглядом.

На фотографии сбоку от портрета Горбачева под громадным деревом сбился народ, все с неразличимыми лицами.

– Это я в Кедровке, – раздался за спиной голос Дронова. – Вот он я. С передовиками. Так на чем остановились?

– На трудоустройстве.

– Это запросто. – Дронов разложил перед собой документы. – Никто не заходил?

– Один, здоровенный, в шубе.

– А, Берендей... А не послать ли вас, Сергей Васильевич... не послать ли вас... в третий цех? Пока строчка есть – считай, повезло. Лучший цех, между прочим, премии каждый

квартал. Да и уникальный: прокат, химия и механообработка и всё в одной посуде – где еще такое встретишь? Эх, молодость! – неожиданно воскликнул он, заерзав на стуле. – Девки-то прыскают, а? – В глазах его вспыхнули искорки: – Ладно, ступай к Берендею. Погодь, позвоню. Дошел, наверное...

Он взял трубку, нажал кнопку.

– Никита Тарасыч, на месте? Дронов. Да по делам ходил. Что значит, никогда на месте нет?! Я раньше тебя на месте. Берешь, значит? Лады. Погодь. – Он весело подмигнул Попсуеву, посерьезнел, надел очки, стал читать: – Попсуев Сергей Васильевич, МЭИ, твоя специальность. Да, сам расскажет. Да, спортсмен, мастер спорта, по фехтованию.

– В отставке, – произнес Попсуев, но кадровик лишь кивнул.

– Не забыл? Мой должник. Ну бывай.

Дронов положил трубку, поглядел на Попсуева, словно прощаясь с ним навеки, вылез из-за стола, поправил штору, вручил документы и, крепко пожав руку, сказал:

– Цех вон там. Через час диспетчерская, потом до вечера не поймает. Направо окошко, там пропуск выпишут. Значит, мастер спорта? Мастер – это хорошо. В отставке, говоришь? Мастера не бывают в отставке. У нас беда с мастерами...

Через полчаса Попсуев сидел напротив начальника цеха, мужчины лет сорока и такой внушительной комплекции, что казалось, не он сидит за столом, а стол ютится подле него. В Берендее угадывалась немалая физическая сила.

– Вот, – Сергей протянул Берендею документы.

– МЭИ? Спортсмен? Саблист? – он стал листать документы Попсуева. – Диплом саблей делал? Сам-то откуда?

– Из Орла.

– Понятно. Орел.

Позвонила секретарша.

– Запускай, Надя. А ты присядь вон там.

Белые и синие халаты, шапочки и косынки быстренько расселись, как белые и синие птицы клюнув новичка своими острыми взглядами. «Словно в операционной, – подумал Сергей, хотя что именно напомнило ему операционную, где его вытащили с того света, сказать не мог. Пройди тогда сломавшийся клинок итальянца чуть выше и привет. Камзол, как масло, прошил. – А, их взгляды, как клинки. Да ну, чушь...». А еще он вспомнил пожухлые вялые стебли вечнозеленых растений больницы, таких же больных на вид, как и вечно больные люди рядом с ними...

Какое-то время было оживленно, Попсуев ловил на себе косвенные взгляды, а хорошенькая женщина лет тридцати с правильными чертами лица, севшая напротив него, глядела строго. На ней был отутюженный сияющий белизной халатик. Несколько мгновений она всматривалась в него. Сергей ощутил смутное беспокойство, словно она высматривала у него что-то внутри, чуть ли не душу. Ишь, сканирует. Удивительно светлая, прозрачная как льдинка женщина.

«Если ее раздеть, – подумал Попсуев, – сквозь нее будет видна противоположная стена». Его продрал озноб. Он подвинулся чуть в сторону – на стене за нею была какая-то схема, стрелки, квадратики, цифры, слова. Женщина повела плечами, глянула на Берендею. Она притягивала внимание Сергея, как магнит. С трудом отвел он от нее взгляд.

Берендей в это время проглядывал журналы и амбарные книги. Цепко и быстро, изредка проверяя что-то на калькуляторе и записывая на отдельный листочек. При этом он следил и за присутствующими. Минутная стрелка на часах дрогнула, и все тут же замерли, словно она и в каждом из них сравнилась с отметкой «12».

– Ну-с, – сказал начальник, отложив журнал, – опять брачок-с на прокате пошел. Михалыч, в чем дело, а? Не слышу. Картина Левитана «Над вечным покоем». Язык-то расчехли.

Выход за март свела? – обратился он к женщине напротив Попсуева. Та кивнула головой. – Покажешь потом. В чем дело, Борис Михайлович? Ролики сменил?

Минут двадцать шел разбор полетов, а затем Берендей представил Попсуева: – Молодой специалист Сергей Васильевич Попсуев. МЭИ. Мастер спорта по сабле, так что не задирайтесь. Холост. – Берендей кинул взор на ледяную женщину.

Попсуеву показалось, что та как-то иначе взглянула на него, чуть ли не с жалостью, взметнув в нем вихрь слов. «Странная. Снежная королева. Поцелует, и помрешь. На ребенка похожа. Есть такие дети, чересчур взрослые, им неловко смотреть в глаза. Наверное, ни разу в жизни не улынулась. Строгая, несмеяна...»

Берендей между тем представил новичку своего зама по общим вопросам Закирова Ореста Исаевича, технолога цеха Свияжского Петра Петровича и начальника бюро технического контроля (БТК) Светланову Несмеяну Павловну.

Попсуев при имени «Несмеяна» переспросил: – Как?

Женщина, строго глядя на Попсуева, внятно произнесла: – Светланова Несмеяна Павловна. – И голос у нее соответствовал внешности: в нем звенели льдинки, и эти льдинки были острые и очень ломкие, и в них было мало жизненной энергии, что для начальника БТК было весьма странно.

Попсуев смотрел ей в глаза и чувствовал холодок на спине. Ему показалось, что все ждут, чем кончится этот поединок взглядов. Зеленые глаза были удивительной красоты! Попсуев отвел взгляд первым и заметил, как Закиров усмехнулся. Сергею стало досадно, и он снова поднял глаза на женщину. Та что-то записывала в блокнотик.

Берендей представил по очереди остальных собравшихся, но Попсуев запомнил только начальника одного из участков Попову Анастасию Сергеевну, да и то только потому, что она была совсем старенькая, маленькая, сморщенная, как годовалая картофелина. «Сколько ей? Лет семьдесят? Неужели такие старушечки работают?» – мелькнуло у Сергея в голове.

Он, даже не глядя на Несмеяну, видел только ее одну, чувствовал, что она заняла все его мысли, неожиданно став стеной на пути любому другому слову, сковав все чувства в ледяной ком. Просто какая-то вечная мерзлота!

Берендей глянул на часы.

– Еще пару минут. Лирическое отступление. Орест Исаевич, как Фрунзик? Сергей Васильевич – тебе одному. Мы тут, не думай, не только план куем. У нас ворона живет, собака, кот, дикие создания, пришлые. Не гоним их, ибо гуманисты. А из культурных для экологии (комиссиям показываем) завели курочек и петушка – истый кавказец, рыбок-меченосцев, попугая ару, вот с таким носом, как у Мкртчяна. Страшный матершинник. Несмеяна Павловна не даст соврать. У него свой подход к контролерам. Мы-то сами пытаемся с женщинами язык не распускать...

Анастасия Сергеевна весело воскликнула: – Ага! Пытаются они!

– ...зато этот пернатый отрывается по полной. А на той неделе возвысил голос и на меня. Подозреваю, Смирнов (из твоей бригады, Попсуев) науськал. Сегодня утром он обозвал меня... Ладно, не буду. Терпение лопнуло! Орест Исаевич, готовь приказ! Пиши: уволить на хрен носатого аппаратчика Фрунзика. В цирк его! Или секретарю парткома!

Под улыбки персонала диспетчерская закончилась.

– Так, а с тобой, Сергей Васильевич, сейчас небольшую экскурсию проведет Закиров.

Получив от начальника напутствия, Сергей в сопровождении его зама покинул кабинет. В коридоре Несмеяна Павловна разговаривала с двумя девушками в белых халатах. Одна из них улынулась.

– Попсуев! – строго спросила Светланова. – Когда в ОТК спуститесь?

– Как только, так сразу, – ответил тот и подмигнул той, что улынулась.

– Свое пусть изучит! Ты, Несь, главное, позови! – Закиров увел Сергея: – Пошли в кладовку! Как тебе наша царевна? Мир со смеху будет помирать, она не улыбнется. Хотя улыбку ее лучше и не видеть.

– Замужем?

– Да нет. Сюда.

Они протиснулись в дверь, за которой стояла бочка с чем-то черным, и оказались в кладовке, пропитанной запахом хозяйственного мыла, ваксы и спирта. Кладовщица выдала Попсуеву робу, тяжелые ботинки и тканевые верхонки. В раздевалке Закиров показал Попсуеву свободный шкафчик. Сергей переоделся, и они пошли в цех.

– Цех наш бабьим царством зовут. Женщин четыреста на восемьсот мужиков, но они нас одной левой кладут. Подоконник под лестницей – кузня. В ночные смены холостяков ловят и сюда волокут.

– Холостят?

– Да не до шуток бывает. Дорога отсюда прямо в загс... Заартачишься – в партбюро-цехком. А там секретарь и председатель – бабы...

– А чего их выбрали, раз вас две трети?

– Вас-нас. Вырождаемси-с. СОС!

Когда они вывернули из перегнутого на несколько раз, заделанного бежевым пластиком коридорчика, перед ними открылось громадное помещение, наполненное сизовой дымкой, запахом масла, лязгом и грохотом. Вдоль стен шли автоматические линии. Через равные промежутки стояли станки, тянулись подвешенные кабели и трубы различного диаметра и цвета. Справа и слева от центра пролегли рельсы узкоколейки, туда и сюда катились вагонетки, поперек, лавируя между изоляторами брака и штабелями ящиков, юлили тележки, электрокары, наверху, то и дело гулко дергаясь и страшно скрипя, ползал мостовой кран. Непонятно откуда доносились вперемешку и вместе мужские и женские голоса. Кто-то истерично смеялся. От тяжких ударов молота в сизой глубине цеха содрогался пол. Гулял ветер, обдавало то жаром от печей, то холодом от ворот, пропускавших машины. На балке сидела ворона.

Попсуев не бывал еще на таком огромном производстве. Практику он проходил в институтской лаборатории имени Карабаса Барабаса. Самой яркой жизнью жили лаборантки, поповедовавшие свободу любви, а самой тусклой – ученые, рассуждавшие о свободе творчества.

Поводив Попсуева по второму корпусу, Закиров привел его в свой кабинет, дал читать рабочие и должностные инструкции, а также по технике безопасности и попрощался до завтра. От чтения постоянно отвлекали. То заглядывали в кабинет производственники в зеленых робах, синих и серых халатах и спрашивали Закирова, то в белых халатах – отэкушки, ничего не спрашивали, а только хихикали. К тому же дверь плотно не закрывалась, и было слышно всё, что творится в коридоре. Меняли лампы дневного света, тянули кабель, мыли пол. Потом возле мужского туалета две технички, перебирая сокровенные мужские тайны, во весь голос обсуждали причину появления луж возле писсуаров. Сергей заметно повеселел.

В шесть часов Попсуева разобрал голод, и он вспомнил, что пропустил обед. Тут и день рабочий кончился, и новоиспеченный мастер поспешил в общаговский буфет. Жизнь уже казалась ему не такой серой и скучной.

Так нельзя больше!

Работа в цехе велась круглосуточно в три смены, но для лучшего знакомства с производством Попсуева временно определили в первую смену. Когда бригада уходила в другие смены, его подменял бригадир.

Узнав, что Берендей в тридцать лет стал начальником цеха и уже девять лет руководит коллективом, Сергей решил повторить его путь. С утра он осваивал операции, а после

обеда изучал ветхие, захватанные пальцами, пропитанные запахом масла инструкции и чертежи, время от времени посещая участок, дабы приглядеть за рабочими. Как-то проходя мимо чайной, услышал рыдания. Заглянул. Аппаратчик Валентин Смирнов, упомянутый Берендеем на диспетчерской, присосавшись к бутылке, судорожно глотал вермут. Оторваться от бутылки он не смог. Попсуев ткнул в него пальцем и голосом Левитана произнес:

– Еще увижу – уволю к ядрене фене! – и вышел.

Смирнов от спазма глотки закашлялся и побагровел. Со смены Валентин ушел очень веселый.

– Грядут перемены, – пророчески изрек он в душевой. – Ой, ребята, этот змей похлеще Берендея будет. Жизнь при нашем царе Лёне / была лучше и ядрёней.

По-свойски Валентин посетовал и Берендею, но тот только радостно рывкнул:

– А! Давно так с тобой надо! Скройся с глаз!

После смены Попсуев поднялся к Закирову. Проходя мимо открытой двери кабинета ОТК, он услышал:

– Попсуев! Можно вас?

Светланова сидела в кресле и холодно смотрела на него.

– Никита Тарасыч попросил показать мое хозяйство. Завтра в восемь двадцать жду вас здесь.

Попсуев поклонился и вышел.

– Она всегда такая? – спросил он у Закирова.

– Всегда, – ответил тот. – Ты в общагу? Айда ко мне, Нинка к матери ушла, перекусим. Это хорошо, что она такая. Благодаря ей наш цех три года кряду занимает классные места.

Двухкомнатная малогабаритная квартира на втором этаже выходила окнами на узкую улицу, по которой нескончаемым потоком громыхали на выбитой дороге машины. Закиров достал из холодильника кастрюлю с борщом, нарезал колбасу, сыр, задумчиво посмотрел на четвертушку бородинского хлеба.

– А позовем-ка твою Несмеяну. Она выше живет.

По спине Попсуева пробежал холодок, а внизу живота сладко заныло. Через пять минут Закиров привел Светланову.

– Здравствуйте, Несмеяна Павловна, – произнес Попсуев.

Та удивленно взглянула на него: – Здравствуйте, Попсуев, коль не шутите.

– Вы чего это? – спросил Орест. – За знакомство?

– А вы давно знакомы? – обратился Сергей сразу к обоим.

– Да лет двенадцать уже, а? – посмотрел на Несмеяну Орест. – На вступительном познакомились. Она шпоры в чулок заложила, а они вниз скатились, к щиколоткам...

– Как у петуха, шпоры, – сказал Попсуев, рассмешив Ореста. Несмеяна лишь скользнула по нему холодным взглядом.

Светланова сосредоточенно хлебала борщ. «Как она похожа на ту девочку». Борщ был отменный. Какой и должен быть, каким помнил его Попсуев. Тогда ему было лет семь...

...На кремовой скатерти из далекой Венгрии, с вышитыми готическими темно-вишневыми буквами и узорами. В глубоких фарфоровых тарелках с двойной тоненькой красной каемкой в подтарельниках. Отдельно тарелочка для косточек. На блюдечке красный перчик с косо отрезанным кончиком. Он его никогда не давил ложкой в тарелке – не разрешали, но очень хотел. В старинной селедочнице (не из сервиза) нарезанная мясистая селедка со сладкими плавничками в душистом горошке и прозрачных колечках лука. Самодельная горчица, бьющая в нос, с крохотной золотой ложечкой... Мама с улыбкой разливает из супницы золотистый густой борщ, отец наливает ему в тонкий стакан крюшон, затем вытаскивает массивную пробку из хрустального графинчика, наклоняет его над рюмкой мамы, вспыхивают лучики...

– А теперь за здоровье, – сказал Орест.

Орест и Несмеяна перебрасывались короткими фразами о чем-то своем. Сергей слушал их и не слушал, пребывая в воспоминаниях о воскресном пире далекого детства, глубоких тарелках, с которых мама после обеда, что-то рассказывая и смеясь, сначала снимала салфеткой, а потом отмывала в тазике жирный золотисто-красный ободок...

– Говорят, вы спортом высоких достижений занимались? – спросила Несмеяна.

– Занимался.

– А что ж не достигли? По возрасту вышли? Не старый еще. И чего на завод? У нас ведь тут скукотища. Как и в спорте.

– Разве?

– Конечно! – усмехнулась Несмеяна. – Плавала, знаю. Цикл за циклом, туда-сюда, двадцать дорожек, десять, две. А в эстафете вообще абзац: первая! первая! первая! сердце в голове колотится.

– Сергей фехтовал, – сказал Орест. – Там не успеешь заикнуться.

– Там и думать некогда, – подхватил Попсуев, облизав ложку.

– Ничего удивительного, – согласилась Несмеяна. – Мне у братьев Гримм сказка нравится, «Три брата». Там младшенький до того лихо крутит шпагой, что под дождем сухой остается. Можете так?

– Думаете, фехтование – это только вот это? – спросил Попсуев, вращая кистью ложку.

– Думаю, – спокойно ответила Несмеяна.

– Там одних технических испытаний...

– Сколько? – насмешливо спросила Несмеяна.

– Шесть. На растяжение, на разрыв, на структуру...

– Это вас испытывали? – женщина явно провоцировала его, но вдруг сменила тему: – Как там деканат проживает?

– Да живет как-то, – сдулся Сергей.

– Исчерпывающе. Вкусный борщ, Орест, спасибо. До завтра, коллеги.

Закиров проводил Несмеяну.

– Я сморозил не то? – спросил у него Попсуев.

– Да нет, всё в порядке. Она такая. Жалко ее.

Сергея потрясло это признание. «Жалко? Чего ее жалеть?» Посидев немного, он попрощался с хозяином и пошел спать. «Чего я глупею рядом с нею? Первый раз такое! – ему досадно было ощущать себя мальчишкой, запавшим на сумасбродку. – Чего подкалывала? Тоже запала?»

Ночь прошла в полудреме. Сергей долго ворочался в плену возбуждающих картин. Под утро ему приснилось, что Несмеяна не может открыть дверь своего кабинета, а он помогает ей, прикасается к ней, чувствует ее тело. Она отстраняется, тут же льнет к нему, а дверь никак не открывается...

– Нет, так нельзя больше! – ревел утром Попсуев под ледяным душем.

Вечная мерзлота

В восемь двадцать Сергей зашел к Светлановой. Молча кивнули друг другу, словно уже виделись сегодня. Попсуев смотрел, как Несмеяна закрывает дверь, и вспомнил о своей предутренней полудреме. Хотел сказать ей об этом, но раздумал. Потом решил, но всё равно не сказал. Так и шли молчком, хотя его так и подмывало спросить у гордячки, с чего это широкий подоконник под лестницей называют «кузней»?

В комнате ОТК контролеры сидели вдоль стен, как белые курочки на насесте. Одни что-то жевали, другие болтали или вязали. Светлана представила Попсуева.

– А это правда, что вы мастер спорта? – спросила та, что улыбнулась ему в коридоре. Тело ее так и играло под халатиком.

– У вас повод? – Сергей указал на два торта. – Поздравляю. Кого?

– А если меня? – подошла улыбчивая вплотную к нему, так что он ощутил запах ее духов.

Попсуев взмахнул руками, и именинница забарахталась, как муха в паутине, в кольцах широкой синей ленты, крепко охватившей ее стан. Попсуев прикоснулся губами к ее свежей щечке и произнес:

– Поздравляю.

В комнате поднялся визг и смех. Все сбились вокруг них, освобождая пленницу от ленты и удивляясь, как это Попсуев умудрился слету окрутить девушку. Хитрого ничего тут не было, тренировка да была бы лента припасена. О Светлановой на минуту забыли. Та пережидала, когда барышни угомонятся.

– Попсуев, – прозвучал, наконец, ее голос, – Дайте ленту!

– Лента, пардон, подарок... – Сергей смотрел на именинницу.

– Татьяна, – сказала та.

– ...Татьяне. С днем рождения, Танюша.

– Так, девушки, восемь тридцать. По местам! – скомандовала Светланава. – Попова, в перерыв зайдешь.

– Чересчур строги вы с персоналом, Несмеяна Павловна! – сказал Попсуев, когда они вышли из комнаты.

Несмеяна презрительно улыбнулась: – У вас, Сергей Васильевич, есть опыт иного обхождения с подчиненными? Извините, мне туда.

– А кто ж мне покажет владения ОТК? – произнес Сергей, глядя ей вслед. Светланава не оглянулась. Вечная мерзлота! Но какая грация!

«Под белую кожей арктический лед, / и капельки яда на кончике фраз, / откуда в осе этот липовый мед? / Откуда закваска, откуда экстаз?» – написал Попсуев на бумажке, свернул клочок вчетверо и сунул в кармашек рубашки.

Такая вот она, Несмеяна Павловна

Спроси художника, что главное в облике Светлановой, тот, не задумываясь, скажет: «Царская статья». Несмеяна Павловна была царственно самонадеянна, уверена не только в себе, но и во всех, кто рядом. Это порой раздражало окружающих, но и заставляло уважать ее. Несмеяне Павловне нельзя было соврать, потому что никто не мог, глядя в ее глаза, покривить душой. С нею было проще согласиться, чем спорить. Она не отстаивала свою точку зрения с пеной у рта, не повышала голос, никогда не требовала ничего сверх того, что было положено. Именно это выводило из себя непорядочных людей, когда им тыкали в лицо их же разгильдяйством. Ладно бы потребовала чего-нибудь заведомо невыполнимого, можно было бы и отмахнуться, и даже послать куда подальше. Причем ей было всё равно, кто перед нею, токарь или главный инженер, одними и теми же словами и нотками она пеняла ему и требовала немедленного ответа. В этом смысле она была идеальным руководителем цеховой службы ОТК. Это понимали все, от контролера 1-го разряда до директора завода. К слову сказать, когда директор однажды обронил в разговоре, что думает сделать Светланову своим замом по качеству, к нему тут же потянулись начальники цехов с просьбой «повременить, а то придет всеобщий пипец».

Свою работу в должности мастера ОТК Светланава начала в 10-м цехе на участке комплектовочных заготовок, где ей сразу же сказали, что сначала план, а потом уже качество. Несмеяна выслушала и возразила, что она закончила с отличием вуз и прошла практику на одном из лучших заводов министерства под Москвой, и у нее на этот предмет есть свой взгляд: прежде всего качество, а уж потом и план. И что она не пропустит брак, ни под каким соусом. «Роман-

тичная бабенка!» – переглянулись производственники, но когда она в первый же день вернула половину дневной выработки, а на следующий день всю, поставив под угрозу месячный план цеха и завода, ее вызвали к главному инженеру Некрасову.

Она пошла к нему в сопровождении двух контролеров. В предбаннике мастера поджидал не по чину суетливый начальник ОТК Чугунов.

– Вас пригласили одну, – сказал он ей.

– А я пригласила еще двоих, – возразила она.

Чугунов не нашелся чем возразить. «Тряпка», – лишний раз убедились контролеры. Зашли в кабинет. Там сидел начальник цеха с технологом.

– А вот и соколиный глаз, – кивнул главный инженер на стулья и тут же привычно повысил голос: – Да ты знаешь, мастер ОТК, девчонка!..

Девчонка вдруг встала и звонким и ледяным голосом отчеканила:

– Я Несмеяна Павловна. Если вы, Владимир Ильич, позволите еще хамить мне, я уйду.

Некрасов погасил свой гнев, но с раздражением спросил:

– Зачем вы привели контролеров... Несмеяна Павловна? Я вызвал вас одну.

– Они покажут то, что вы предлагаете мне пропустить, закрыв соколиный глаз, в годные. Девочки, покажите главному инженеру. А он вам скажет, пропускать это или не пропускать.

Контролеры достали из сумки две болванки, забракованные по геометрическим размерам и по внешнему виду, и бухнули их Некрасову на стол. Тот наклонился, разглядывая, коротко вздохнул. Раздраженно ткнул пальцем:

– Тут явно, чистота не та, а тут что, в минусе?

– Да, на десятку провалились.

– И что, все такие? – в голосе его был вопрос-ответ: ведь нет, только эти одни?

– Нет, процентов тридцать годные.

Некрасов сухо кивнул и мрачный как туча, стал ждать, когда женщины покинут кабинет. Не успели они закрыть двери, за их спиной начался такой разнос, которого потом долго не слышали в дирекции. После этого начальник ОТК избегал всяких встреч со Светлановой и в цех посылал своего зама, а в цехе к ней все стали обращаться по имени-отчеству.

– Некрасов-то зачастил в десятый цех, – зашептались через две недели заводские кумушки.

Самодетельность

В конце смены позвонила секретарша Берендея, тот вызвал Попсуева к себе на семнадцать часов. Осенью цеху сорок лет, надо готовить самодеятельность. В кабинете Сергей увидел среди прочих Закирова, Светланову и Татьяну.

– Значит, так, – начал Берендей. – В прошлый раз мы договорились начать с акробатов. Стас, Татьяна, шпагата и статики поменьше. Поноси ее на вытянутых руках. Смотри, не урони, Лиепа. На заднем плане проплывают образы ветеранов, портреты готовы?

– Может, из политбюро кого? – спросила секретарь партбюро.

– Остынь, Петровна, – отклонил предложение Берендей. – Рассаду высадила? Вот и хорошо. Займись-ка ты лучше спортсменами. Лето короткое, но позора может много принести. Кстати, он, – начальник указал на Попсуева, – мастер спорта, да еще международного класса!

– Сдается мне, мастер будет хорош в художественной гимнастике, с лентой, – бросила Несмеяна. – Он сегодня провел у нас мастер-класс.

– Правда, что ль? Выступишь?

– Только после ее поцелуя.

Светланова, поджав губы, покинула кабинет. Берендей мрачно посмотрел ей вслед.

– Ты, Сергей Васильевич, не трогай ее, Христом богом прошу!

– Хорошо, Никита Тарасыч. Я ж только подыграл ей.

У проходной возле доски объявлений маячила Татьяна. На ней было светло-коричневое пальто, модные сапожки, шапочка, хорошо оттенявшая и подчеркивавшая ее упругие щеки и задорный носик. В свете фонаря она золотилась, как подсолнух. От Сергея не ускользнуло, что на доске новых объявлений нет. Он ускорил шаг, так как не хотел задерживаться, но девушка обернулась и улыбнулась ему.

– Домой? – поинтересовалась она. – Как вы ее!

– Кого?

– Царевну нашу. Смотрите, начальник опекает ее.

Они вышли через одну вертушку.

– Анастасия Сергеевна родственница? – спросил Сергей, вспомнив, что у Татьяны и начальника его участка одна фамилия.

– Бабушка. Она меня и устроила в ОТК.

– Хорошо в ОТК?

– А чего плохого? Чисто и радостно. На шестой разряд сдам, бригадиром стану, мастером.

Мне царевна пообещала.

– А разве от нее это зависит?

– А от кого? Она что решит, то и будет. Даром, что одна живет.

– Семьи нет?

– А вы не знаете? – недоверчиво покосилась на него Таня. – Закиров не сказал? Они вместе приехали из Москвы, Несмеяна и Орест, нет, не в том смысле, что вместе, они из одной группы, оба холостые... Как вы.

– А я, может, не холостой...

– Ага, знаем!.. Закиров сразу к нам попал, а Светланова в десятом на входном контроле работала. Однажды попала она на глаза Некрасову...

– Кто такой?

– Главный инженер, бывший. Увидел ее и зачистил на входной. Оборудовал там всё, а через полгода в контору перетащил, руководителем группы. У обоих заклепки полетели, целый год такой ляmur стоял, что в главке завидовали. До Некрасова, говорят, царевна с Берендеем встречалась, тот даже жениться на ней хотел, а тут эта блажь...

– У Светлановой блажь? – вырвалось у Попсуева.

– О, да вы не ровно дышите к ней... Как-то в ДК Берендей подошел к Некрасову в коридоре и пригрозил, если тот не женится на Несмеяне, то прибьет его. Говорят так. А тому куда жениться, дети, супруга – родня замминистра. Он, правда, не из пугливых был, Некрасов, но так совпало, что через месяц укатил со своими в Москву на повышение. Берендей тут же уломал начальника ОТК перевести Несмеяну к нам. Теперь вот мается. Он даст команду, а эта свое гнет. Кому понравится? Наверно, не рад уже. Говорят же, своих не держи под собой, на шею сядут.

– Она же не в его подчинении, – возразил Сергей.

– Попробуй его послушаться.

Долго шагали молча, не чувствуя неловкости от молчания. «С такой свяжешься, не развяжешься, – думал Попсуев о Несмеяне. – А Танька ничего, шпагат делает, и ладненькая такая. Интересно, Стас Михайлов кто ей?..»

– Может, в кино сходим?

– Ой, давайте! – с готовностью откликнулась Татьяна. – В ДК «Дон Сезар де Базан» идет! С Боярским! Про любовь!

Не спится

С Таней Сергей встречался каждый вечер, сначала по инерции, лишь бы как-то убить время, а потом и втянулся. Перестал обращать внимание на простоватость девушки и на ее прозрачные намерения женить на себе. Она охотно целовалась, позволяла обнимать себя так, что становилась расплывчатой грань между дозволенным и недозволенным, но, однако же, к недозволенному еще не подпускала. Через две недели Татьяна срочно улетела к заболевшей тетке в Ленинград.

– Ты тут смотри! – сказала она Сергею в аэропорту.

Попсуев заскучал было без нее, но скука не мешала ему поглядывать на девушек, которых к концу апреля стало как цыплят. При этом он поймал себя на том, что они все своей кажущейся недоступностью напоминают Татьяну.

Таня вернулась в среду, а в субботу они вечером пошли в молодежное кафе. Через три столика сидели Берендей с Несмеяной и Закиров с женой. Попсуев поздоровался с ними сдержанным кивком головы. Таня помахала рукой, как показалось Сергею, несколько фамильярно.

– У царевны вчера день рождения был.

– Отмечали?

– Торт, конфеты где-то нашла – и на том спасибо. В прошлом году, на тридцать лет, шампанское принесла.

– Поздравить надо.

– Поздравь.

Попсуев подошел к имениннице и взял из воздуха (из внутреннего кармана пиджака) коротышку розу, которую припас для Татьяны, с поклоном преподнес:

– Это, сударыня, вам.

Та встала и поцеловала его в губы. Губы ее, такие невинные, были в вине. В губельном вине! И от них нельзя было оторваться. Пронзительное ощущение мимолетности счастья. Что-то вроде мгновенной боли. Той, когда его пронзил сломавшийся клинок, и он потерял сознание.

– Идите к нам, разместимся вшестером, – сказал Берендей, пожимая руку Сергея. – Не возражаешь, Несь?

Светланова подошла к Татьяне и подала ей руку. Та удивленно посмотрела на нее. Перенесли стулья, тарелки, бутылки.

– А можно мне тост? – спросила Татьяна.

Никита Тарасович, поднесший уже рюмку ко рту, глянул «на собравшихся» и, не отводя рюмки ото рта, кивнул: произноси, только скорей.

– Позволь, Несмеяна Павловна, пожелать тебе счастья.

– Всё? – спросил Берендей и опрокинул рюмку. – Спиши слова.

– Как там город на Неве? – спросил Орест. – Из музеев, наверно, Тань, не вылезала?

– Какие музеи? В больнице три дня просидела.

– А ты, Сергей, в Ленинграде бывал?

Попсуев не поверил ушам: прилюдно «ты», взглянул на Несмеяну. Та с насмешкой смотрела на надувшего щеки саксофониста, гривастого с пролысынами молодца лет пятидесяти, и в ее глазах был огонек.

– Бывал. На соревнованиях, а в детстве вообще при цирке жил.

– Родители циркачи? – спросил Берендей.

– Да, – ответил Сергей, – цирковая семья.

– А чего же не пошел по их стопам? – спросила Нина, глядя то на Несмеяну, то на саксофониста. – Классно играет.

– Классно дует, – поддакнул Попсуев; ему очень хотелось хоть как-то зацепить Несмеяну. – Не лопнул бы.

Когда музыканты отложили инструменты в сторону, Сергей подошел к саксофонисту. Окинув его взлохмаченный, не по годам экзотический вид, произнес запомнившуюся фразу:

– Что за польза тебе в спутанных волосах, о глупец! Что за польза тебе в одежде из шкуры! Ведь внутри тебя – джунгли, ты заботишься только о внешности.

Саксофонист взял за грудки Попсуева, но тот с усмешкой развел его руки, и в них оказалась свернутая в трубочку «Вечерка». Барабанщик в восторге схватил палочки и выдал дробь. Несмеяна, как показалось Сергею, улыбнулась. Но ему улыбка царевны показалась такой далекой и не ему предназначенной, что он поспешил вернуться к Тане.

Попсуев преуспел в комплиментах, а Татьяна, чутко уловив сомнения кавалера и не дав им развиться до болезненного состояния, поспешила увести его из кафе в общежитие. Сергей под утро лежал на спине, глядя в потолок, слушал дыхание девушки, прижавшейся к нему, думал о Несмеяне и о том, что теперь потерял ее навсегда.

– Не спишь? – произнесла Татьяна. – Я слышу твои мысли.

– Они о тебе. Спи-спи.

– А стихи ты ей написал?

– Какие стихи?

– Да у тебя бумажка выпала, – зевнув, Татьяна вытащила из-под подушки листочек, – вот эта. «Под белую кожей арктический лед, / и капельки яда на кончике фраз, / откуда в осе этот липовый мед? / Откуда закваска, откуда экстаз?» Это ты ей написал?

– Кому? Это Тютчев России посвятил. Спи, поздно уже.

Сергей осторожно освободился из объятий девушки, подошел к окну. Непостижимым образом он ощущал каждой клеточкой своего тела пустоту комнаты. Будто в ней летало всего несколько фотонов света или других элементарных частиц. «Может, это оттого, что пусто внутри меня самого?» Синее пространство замерло в ожидании утра, в ожидании восхода солнца. «Как оно похоже на схваченную ледком душу. Оно ждет света, а когда свет озарит его, придет вдруг в смятение, так как ждало совсем не того, а чего?»

Попсуев вздрогнул. Ему послышался голос Несмеяны.

– Чего не спишь? – опять спросила Татьяна.

То трещины, то дырка

Отлакированная поверхность стола была покрыта сеткой трещин, а на шкафах отслоилось несколько полосок. Похоже, мебель завозили в сильный мороз. «Стенка не новая...»

– Зимой переезжали? – спросил Попсуев.

– Зимой, – не сразу ответила Несмеяна. – Как догадались?

– Да так, – ответил Попсуев. – А до этого жили где?

– В другом месте.

Попсуев понял, что сморозил чушь, но продолжил:

– Привыкли к новому месту?

Несмеяна насмешливо посмотрела на него:

– Почему это интересует вас?

Попсуев пожал плечами. Ему было не по себе, будто кто-то торопил его непонятно куда.

– Впрочем, я понимаю вас. Жилье только на заводе можно получить, да и то не сразу. Будь ты хоть семи пядей во лбу.

– Зачем семь пядей? Они только мешают. У вас есть клей, БФ или «Момент»? Полоски отошли.

– На холодильнике. – Несмеяна занялась сумкой и стала вынимать из нее отоварку по талонам. – Ты глянь, мясо мякоть одна. Спасибо, Сергей Васильевич, что помогли донести. Сейчас разложу, чай попьем. Раздевайтесь. Разуваться не надо, пол холодный. Тапок нет.

Попсуев, тем не менее, разулся, повесил на вешалку полушубок, стал приклеивать полоски. Это заняло у него пять минут.

– Я пошел? – сказал он.

– Чайник закипает. Вымойте руки.

Сергей заметил дырку в носке и стал ходить, поджимая пальцы.

За чаем молчали. Попсуев удивлялся себе, так как в женской компании его обычно «несло». Несмеяне, похоже, нравилось это молчание. Заметно было, что она вся в себе.

– А вы где жили... – Попсуев закашлялся, – когда учились в институте?

– В общежитии, в четыреста двадцатой комнате. Хорошие были времена. Всё впереди. Похоже на ту крышу со снегом: всё беленько, гладенько, чистенько, высоко, а поскользнешься... – Несмеяна взглянула на Сергея, тот закивал головой. – Что вы киваете? Вам-то откуда знать про падения?

Попсуев пожал плечами. Действительно, откуда ему знать? «Да, Серега, нынче не твой день!»

– Что бы ни случилось, самое дорогое у человека это жизнь, – сказал Сергей и тут же одернул себя: «Опять не то!»

– Жизнь, говорите? – усмехнулась Светланава. – Поймете скоро, что квартира. Дороже ее ничего нет. Столько стоит, что на нее и жизни не хватит.

– А вы не придете ко мне?! – наконец, Попсуев произнес то, что давно хотел сказать. Ему так хотелось пригласить ее куда-нибудь – в кафе или лучше в ресторан, но, увы, денег совсем не было, так как первую зарплату Сергей потратил на полушубок, без которого в такую весну никак нельзя было обойтись.

– К вам? Зачем?

– В гости. У меня есть отличный альбом импрессионистов, дрезденский! Из Германии привез. Кубки покажу...

– А вы что же, в Германии бывали?

– Я много где был: в Италии, Венгрии, Франции, Испании.

– Да? – с недоверием посмотрела на хвастунишку Светланава. – Везде были?.. Не знала, что у вас своя квартира.

– Вы же знаете, я в общежитии живу, четыреста двадцатой комнате. Приходите!

– А, тоже четыреста двадцатая? Видите ли, по общежитиям не хожу. Девочки мои, не все, правда, ходят. К ним обратитесь.

Когда Сергей засобирался домой, Несмеяна бросила: – Чего стесняешься? Подумаешь, дырка в носке... Да, пока не забыла. Женщин не спрашивают, женщинам предлагают.

Дорогой Попсуев чувствовал себя муторно. Не мог избавиться от досады на самого себя, а Несмеяне, похоже, он до лампочки. Что он, что дырка в носке, лишь бы подколоть. Вот только с «вы» на «ты» прыгает. «Не спрашивать! Предлагать! погоди, предложу такое, от чего не откажешься!»

На пути к успеху

Без мастера любое дело – халтура, особенно на заводе. Попсуев не терял время: за год он поднаторел и стал «змеем похлеще Берендея». Поблажек никому не давал, но и себя не жалел и, когда надо было, за рабочих стоял горой. С ними он был на равных, хотя и не запанибрата. Больше всех зауважал мастера после окрика в чайной Смирнов. Это стало ясно, когда он, к всеобщему удивлению, перестал пить. Не вообще, а на работе. До этого даже Берендей, изгнавший пьяниц из цеха, махнул на него рукой, «не замечая» залетов Смирнова, хотя и устраивал тому разнос наедине. С Валентином начальник соседствовал и испытывал к нему явную симпатию.

Что касается отношения Никиты Тарасовича к молодому специалисту, он готов был хоть завтра сделать Попсуева старшим мастером. Ему понравилось, как новичок с ходу стал бороться с браком, что другие мастера начинали делать, проработав в этой должности не

меньше трех лет. К тому же бороться не ловлей блох, а копанием вглубь. Сергей не стал отыскивать изъяны в давно отлаженном техпроцессе «методом тыка», а пытался решить проблему с привлечением неведомого пока заводским инженерам математического планирования эксперимента. Со смены Попсуев шагал в заводскую библиотеку, рылся в статьях и монографиях, натащил в общагу две сумки литературы, и с Татьяной встречался только по субботам.

– Что с тобой? – спрашивала она. – Не заболел?

– Задание получил, – объяснял он девушке свою занятость и усталость. – Видишь, сколько надо изучить. Реферат пишу.

– Кому?

– А туда, – небрежно махнул рукой Сергей вверх.

Однажды Попсуев почувствовал легкое беспокойство, скользнувшее за проблемскими интуиции. Долго не мог уснуть, а утром вдруг одним панорамным взглядом увидел во взаимосвязи все технологические операции, параметры оборудования, показания приборов, химсостав металла, понял, где рождаются и пропускаются дефекты и как сократить их число.

«Тут же дисер!», – стучало сердце. Из Москвы по куда меньшим проблемам каждый квартал приезжали специалисты, роющие себе материалы для статей и степеней. От восторга Попсуеву хотелось тотчас поделиться со всеми своими соображениями, но он вовремя сдержал себя. «Надо довести до ума. Всё обработать, составить докладную на имя главного. Нет, сначала познакомить Берендея». Не откладывая в долгий ящик, Сергей в воскресенье нагрянул к начальнику домой и посвятил того в свои честолюбивые замыслы. Никита Тарасович был наслышан о новинках инженерной мысли, взятых на вооружение Попсуевым, и недовольный бездействием технолога цеха Свяжского и бестолковостью творческих групп, дал мастеру карт-бланш.

Задача предстояла сложная: обосновать ужесточение границ в технических условиях, что выходило на уровень нескольких главков. Эту заботу Берендей взял на себя, но предупредил:

– Будь готов, Сергей: если что пойдет не так, выспятся и на мне, и на тебе. И особо не болтай про свои опыты.

Пять месяцев Попсуев занимался исследованиями не только в свою смену, но и оставался еще на пару часов в следующую, пока не получил уравнения, описывавшие весь массив данных. Теперь можно было по паспортным значениям химсостава заранее отсекал металл, в котором скрывались дефекты, пропускаемые на приборном контроле. И не надо было вообще запускать на обработку металл, изделия из которого потом всё равно уйдут в брак.

Цех, воспринимаемый поначалу Попсуевым, как темное грохочущее замкнутое пространство с безликими работниками, вдруг стал наполняться оазисами света и тишины, феями и эльфами. Особенно Сергей любил работать в ночную смену, когда не было посторонних. Рабочие безропотно приняли увеличение сменного задания и охотно помогали Попсуеву в его «хобби». Они даже ревновали друг к другу, когда мастер обходил кого-либо из них. За неделю до Нового года Сергей под утро окончательно убедился, что математическая модель верна и при корректировке процесса позволит сократить брак на треть. Осталось разобрать всё с Берендеем, накатать отчет, статью и сдать кандидатские экзамены.

Чувствовал себя он легко, совсем не хотел спать и решил пройтись по рабочим местам. Для начала поднялся к Смирнову на пятую отметку, где находилась горловина емкости, именуемая «тремя кубами». Валентин с охотой подменил заболевшего аппаратчика. По технологии бак два часа наполнялся тремя тоннами раствора (практически одной водой) до верха, затем раствор перекачивался в систему и дальше шел на отмывку и кипячение изделий. Наполнялся снова, перекачивался и так круглосуточно. Химию, как жизнь, не прервешь ни на минуту. К химии уже лет десять собирались сделать автоматику, но руки так и не дошли. Проще было поставить аппаратчика следить за ней. Днем еще ничего, работа не пыльная, но вот ночью того и гляди уснешь, и перелив гарантирован. А с ним и лишение премии.

– Смирнов! Валентин! – крикнул Попсуев, не увидев рабочего за столом.

Тот сидел на краю емкости и спал, свесил босые ноги в бак, и как только горячий раствор касался их, он вскакивал и включал насос.

– Кулибин! – потряс его за плечо Попсуев. – Бачок пора сливать.

– Не пора, – из сна подал голос Кулибин. – А, Васильч!

– Рацуху оформи. План по ним проваливаем.

– Не пропустят, – скромно улыбнулся Смирнов.

– Кресло в цехоме спер? Ладно, бди. Не свались.

– А у меня замок, за крюк цепляю. Не свалюсь.

Забегая наперед, стоит сказать: Смирнов оформил рацпредложение, его, правда, не пропустили, но накрутили трудовиков, и те тут же пересчитали нормы. О предложении узнал главный инженер, не поленился подняться к горловине «трех кубов», и с его легкой руки пошло выражение «автомат Смирнова».

И настройки не надо!

Несмотря на то, что двойной контроль, производственников и ОТК, был усилен еще и регулярными инспекциями Госприемки, рекламации поступали с печальной регулярностью. Изделия отказывали по причинам, заложенным при их конструировании и изготовлении, а также из-за нарушения режимов эксплуатации. Свой вклад вносили еще и смежники. По каждому случаю собиралась комиссия из представителей всех сторон, и несколько дней шла борьба мнений и аргументов. Редко удавалось выработать единый взгляд, поскольку апломб участников и луженые глотки не способствовали консенсусу. Когда обсуждение начинало грозить участникам инфарктами или членовредительством, председателю комиссии по телефону связи поступало мнение сверху, самое зрелое и верное.

В последнее время эксплуатационники обнаглели, им было мало эффекта родных стен, позволявшего скрывать свои недочеты, они стали еще вести подкоп под стены «Нежмаша», возлагая на изготовителей всю вину за отказ изделия. Им в этом усердно помогали конструкторы, снимая таким образом с себя свою долю ответственности. «Дефекты пропускают. Слабый контроль!» – жаловались они своему куратору в главке, и этого подчас было достаточно, чтобы лишить работников завода, а конкретно Берендеевского цеха квартальной премии. Директор завода Чуприна дал команду главному инженеру Рапсодову «послать на комбинат при очередной рекламации не конторскую бестолочь, а Берендея. Пусть наведет там шороху!» Разумеется, это только накалило обстановку.

Прошел еще месяц, и Попсуев уже не только ночами, но и днем стал по сопроводительной документации отлавливать дефектные изделия до приборного контроля. Естественно, это заинтересовало многих. Дошло до того, что Сергей на спор выиграл у технолога участка и Свияжского по одному талону на водку, а у начальника лаборатории автоматике сразу два. Слухи дошли до главного инженера. Однажды после совещания в цехе Рапсодов оставил в кабинете цеховиков и обратился к Берендею:

– Ну, Никита Тарасович, кто тут у тебя Нострадамус?

– Вот он, мастер Попсуев.

– Пошли в цех. Давай халат.

Берендей моргнул Оресту глазом, чтоб в цехе по пути начальства навели порядок, а Сергею бросил:

– Поторопился, Сергей, ох, поторопился...

– Начнем с ультразвука, – скомандовал Рапсодов. – И никаких талонов! Демонстрируй свое умение, бутлегер. Что-нибудь из брака, – он отвернулся и шепнул Свияжскому: – Годную дай.

Прогнали изделие по линии, прибор показал «годное». – А почему «годное» показывает? – нахмурил брови главный.

– Потому что годное, – ответил Попсуев, найдя в паспорте и журнале данные на изделие.

– Не может быть! Брак ведь. Еще дайте.

Принесли из брака. Прогнали. Из пяти четыре подтвердились, пятое прошло в годные.

– На границе, – не глядя на прибор, сказал Попсуев, сверившись с паспортом и журналом. – На пять единиц границу сдвинуть, и не пройдет.

– И как это у тебя получается?

– Хороший шахматист в дебюте видит эндшпиль.

– Хороший... шахматист... дебют... Проверьте настройку прибора. – Рапсодов, явно раздосадованный тем, что не понимает, как мастер «видит» брак, махнул рукой на линию.

Попсуев позвал Михайлова: – Стас, проверь настройку.

Рабочий проверил, но пропустил один необязательный момент, не перещелкнув рычажок в конце. Рапсодов патетически произнес: – Как же так! Это ж дебют!

Михайлов стал убеждать главного в правильности настройки, но это не было убедительно, поскольку кто был он и кто Рапсодов!

– Чего ты споришь? – громко сказал Попсуев. – У главного больше прав.

– Хороша же смена! – бросил главный инженер. – Настройку не могут проверить! Как же продукцию выпускаете? На взгляд мастера?

– Как надо выпускаем! – сказал Попсуев. – Мне и прибор не нужен.

– Да-а? – удивился главный. – Совсем что ли?

– Совсем.

– Ну, знаете ли... – Рапсодов поискал глазами руководство участка и цеха, нашел Берендея, тот на полголовы возвышался над всеми. – Пошли в ОТК. Покажешь. Не поймаешь брак – вылетишь за ворота.

– Он еще молодой специалист, – сказал Закиров.

– Тем более! – едва не испепелил его глазами Рапсодов.

Зашли на участок контроля. Попсуев открыл паспорта изделий и технологический журнал, взял с транспортера несколько штук и положил их с разрывом на линию контроля.

– Вот это одно брак, а эти годные. Стас, запускай! – махнул Попсуев рукой Михайлову; лента поползла. – ОТК, чего там? – бригадир ОТК перевела контроль измерения в ручное положение, измерила, кивнула головой.

– Да, брак.

– Намного? – спросил главный.

– На десять единиц. Много.

Вторую группу приборы пропустили. Михайлов приплясывал от гордости, Закиров светился, Берендей сыто смотрел на Рапсодова.

– Как фамилия? – главный хмуро глядел на Сергея.

– Попсуев.

– А, спортсмен. – главный задумался. – Никита Тарасыч, в среду у тебя проведем инженерную диспетчерскую. Пусть пан спортсмен расскажет о своих прорисованиях. Черт знает что! Столько денег вбухали в москвичей, а тут всё на глазок измеряют!

– На мой глазок! – добавил Попсуев.

В среду Сергей, вспоминая Андрея Болконского, думал одно и то же: «Вот он мой день! Сегодня меня заметят, возьмут в резерв на выдвижение. Надо изложить за пять минут, пока не ослабнет внимание...» Он спустился на первый этаж, как бы ненароком встречая участников совещания. То, что он возбужден, читалось на его лице и в жестах, в той светлой радости, с которой он здоровался с входящими. Те невольно улыбались ему в ответ. Рапсодов подъехал последним. Едва он зашел в кабинет и уселся в кресло, как тут же обратился к Попсуеву:

– Ну, что, Попсуев, докладывай. Что предлагаешь?

– Вечный двигатель... – громко произнес Сергей и сделал паузу, любуясь недоумением на лицах собравшихся, потом добавил: – ...я не предлагаю. Я предлагаю изменить техпроцесс...

– Ну!.. – раздался шумок, переросший в шум и даже смех. – Техпроцесс-есс! Уж тогда лучше вечный двигатель!

– Тише, товарищи, – оборвал Рапсодов. – Продолжайте, Сергей Васильевич.

«По отчеству, хорошо, – подумал Попсуев. – Есть шанс изложить всё».

– Да, техпроцесс, не меняя его параметров, ни одного...

– А чего ж тут тогда... – не удержался главный технолог, но взгляд Рапсодова прервал его вопрос.

– Дело в том, что техпроцесс писал механик, так? – обратился Попсуев к главному технологу.

– Ну? – опешил тот. – Механик, и что?

– А его надо было писать еще химику, прибористу и математику. Химиков и прибористов подписи есть, но это согласительные подписи, видно, что они не разрабатывали, а математика так и вовсе нет.

Попсуев выучил речь назубок, не полагаясь на прекрасную память и свою способность импровизировать. Он не раз был свидетелем, как на подобных совещаниях искусственных бойцов с пиратскими глотками и не менее утонченными манерами усаживали с позором на место. На таких диспетчерских цеховики вполне по-пиратски топили конторских, конторские – цеховиков, начальники заводских служб – научно-исследовательскую лабораторию (НИЛ), начальник НИЛ – службы. Крайним обычно назначался цех.

Пользуясь тем, что Рапсодов не был настроен критически и ни в ком эту критичность не поддерживал, Сергей уложился в пять минут и успел изложить все аргументы и доказательства.

– Хм. – главный посмотрел на часы. – Что ж, толково. Сколько вы занимались этим вопросом?

– Пять месяцев, – соврал Попсуев.

– Хватит трех, – урезал Рапсодов. – Несмеяна Павловна, запишите: «Попсуеву передать материалы в НИЛ. Начальнику НИЛ и главному технологу дать замечания к майскому Дню качества. Контроль за мной».

– Сергей Васильевич, поздравляем! – зашумели в коридоре коллеги.

– Рано поздравлять, подождем, – отвечал тот.

А Берендей подошел на линии к Попсуеву и попенял: – Поспешил, Сергей! Вишь, сколько нахлебников нанесло. Ну да ладно, Родина-мать не забудет тебя.

На следующий день в «Вечернем Нежинске» появилась заметка Шебутного о производственном мастере «Нежмаша» и его успехах на производстве. На проходной возле доски с газетой Попсуев увидел Светланову, та читала заметку. Сергей поймал себя на том, что ему приятно ее внимание. Вряд ли она думала, что «Вечерка» может написать о нем! Интересно, как отнеслась она к этой фразе: «За такими инженерами, как Сергей Попсуев, будущее – не только производства, но и всей страны»?

Несмеяна в пятницу на диспетчерской поприветствовала мастера:

– Здравствуй, наше светлое будущее! Здравствуй, племя младое, незнакомое!

– И ты здравствуй! Жаль, не я увижу твой могучий поздний возраст! – отозвался Сергей, отметив про себя, что царевне понравилась эта реплика.

Бескрайняя, жгучая, злая...

В непогоду не по себе. Нескончаемый дождь пытка. Пребывая в непривычной для себя меланхолии, Попсуев не заметил, как очутился возле дверей Несмеяны и позвонил.

– Закирова нет? – спросила она, открыв дверь и кивая вниз.

– Закирова? Я не к нему.

– Прощу. Вот тапочки. («Купила, для меня?») Пальцы не поджмай. Или носки целые?

Чай?

Горел торшер возле дивана, раскрытая книга, клетчатый плед.

– Погода сегодня... – сказал Попсуев.

– Какая? – зевнув, хозяйка глянула в окно. – Да ничего вроде.

Чай пили молча, без слов и улыбок. Так провели четверть часа. «Тихий ангел пролетел, – подумал Сергей. – Тюкнул бы нас по башке, чтоб в себя пришли».

– А с чего это вы надумали прийти ко мне? – спросила Несмеяна, когда Попсуев засобирился уходить.

– Замерз.

– А, – кивнула она и неожиданно добавила с улыбкой, от которой хотелось заплакать, – знакомо. Даже плед не согревает.

При этих словах Попсуев поглядел ей в глаза. Они были бесстрастны.

– Вы так и живете? – спросил он, думая о том, есть ли у нее мужчина или нет. «Если нет, это преступление. Если есть, это катастрофа».

– Да, а что? Плохо?

– Напротив, уютно.

– Какие ваши годы? – Несмеяна заметила его взгляд, скользнувший по обстановке. – И у вас будет свой угол. Квартиру пока не дали?

Попсуев дернулся от вопроса, но, похоже, Несмеяна спросила просто так, лишь бы что-то спросить. А это еще хуже, чем подкалывать!

– Читаете? – Сергей взял в руки книжечку. – О, Хименес? – Он процитировал: – Острая, жгучая, злая тоска по всему, что есть.

– *Бескрайняя*... Бескрайняя, жгучая, злая, – поправила его Несмеяна. – Острая, на перец похоже. К кулинарии ближе проза.

– А вы что же, любите Хименеса?

– А что, нельзя?

«Девушки становятся женщинами не когда лишаются невинности, а когда перестают читать стихи. Или наоборот, когда начинают? В любом случае, поэзия и женщина – единая плоть, бескрайняя, жгучая, злая».

Вспомнился дождливый воскресный день, когда Закиров затащил его на пару часов к Несмеяне на дачу. Облепила под сыплющим дождем с черным, корявым, причудливо повосточному изогнутым стволом и мелко-кудрявой светло-зеленой кроной вызвала в душе такой же поэтический образ, как сосна или пальма Лермонтова. Раздвоенный ствол и струящиеся черные ветки, как артерии, вены и капилляры земного сердца жизни...

– Вот читаю, и дождь уже не кажется таким скучным, – произнесла Несмеяна.

– Утром я думал, что вечность это дождь. Нет, это стихи Хименеса.

И снова молчание.

– Я пошел? – сказал Попсуев.

– Идите, – как начальник, произнесла Несмеяна.

– А я только что вспомнил облепиху, что под вашим окном на даче.

– Она красивая, правда? – на мгновение оживилась Несмеяна. – До свидания.

Попсуев с шумом в висках, с шумом в груди, вышел. Казалось, шум шел по всему свету. «Что делать? – думал Сергей. – Почему я такой пень?»

МКК

В начале смены Попсуева вызвал к себе Берендей. В кабинете сидели Свяжский, Несмеяна и приборист цеха. Начальник был непривычно мрачен.

– Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам прилетела рекламация. Без крылышек. Но размером с ведерную клизму. Поздравляю присутствующих (и себя лично) с личным вкладом в это общее дело. Тринадцатую зарплату придется добровольно отдать в пользу бедных. Завтра с утра мы с Попсуевым... (да, ты теперь, Сергей Васильевич, не и.о., а полнокровный старший мастер, приказ подписан, с чем и поздравляю, обмыв за тобой)... едем на комбинат, а на той неделе сами встречаем дорогих гостей. Кстати, два дефекта из трех на комбинате поймали на входном контроле, что очень хорошо, а то бы вонь до Америки дошла. Твои проворонили, Несмеяна Павловна. Глаза не кругли, они, они. И знаешь что? Межкристаллитную коррозию! МКК! Вот номера изделий. Кто делал шлифы и смотрел в окуляр – фамилии мне на стол. Пятьдесят микрон пропустили!

– А почему сразу мои? Кто нам протолкнул их? У них, что, своих микроскопов нет?

Попсуев было вскинулся, но Берендей осадил его:

– Гроссмейстер, не лезь поперек дамы.

– Вот от пятого марта распоряжение Рапсодова. – Светланова открыла свой журнал. – «Оборудовать лабораторию ОТК микроскопами с трехсоткратным увеличением, ответственный... Берендей и начальник снабжения»!

– Начальник снабжения и Берендей, – поправил Несмеяну Никита Тарасович. – Он первый.

– Неважно. А теперь крайние мы? Мне писать докладную Рапсодову?

– Не егози, оборудуем. Надавлю на снабжение. Они вечно телятся.

– Другого не могут!

– Так, этим же составом снялись и к главному.

У главного инженера лишнего не говорили. Обсудили командировку Берендея с Попсуевым, подготовку цеха и отделов завода к приезду комиссии. Набросали основные пункты для протокола согласительного совещания на комбинате.

– Всё? – спросил Рапсодов. Обычно этим безответным вопросом он завершал разговор.

– Нет, не всё! – сказала Светланова. – Без трехсоткратных микроскопов МКК не поймем!

– Несмеяна Павловна, – поморщился главный, – знаю я об этом, знаю! Поставщика прикрыли, а с новым договорились только на следующий квартал.

Глинтвейн генерала Берендея

После парилки Берендей встал на весы и потянул 129 кг, но когда выдохнул, стало 128. Математики не дадут соврать: количество выдохнутого воздуха сравнялось с погрешностью взвешивания. В противном случае надо признать, что с выдохом Никита Тарасович снял с души килограммовую тяжесть, которая уже два дня лежала на ней. Облегченный Берендей подошел к зеркалу и полюбовался собой, похлопывая по тугому животу налитыми, как боксерские перчатки, ладонями. Только в бане можно было увидеть, насколько он могуч. Сергей, сам чрезвычайно сильный и жилистый и немалого роста, около 185 см, рядом с ним выглядел мальчишкой.

– Штангу тягал, Никита Тарасыч?

– Тягал, – усмехнулся Берендей. – Твоих успехов не достиг, но мастера в тяже дали. Однако с харчами тут у них, прямо скажем, швах.

Берендей втянул живот и встал к зеркалу боком, вытянув руки по швам, с шумом вдохнул и выдохнул.

– Не жалуют тут нас с тобой, Сергей Васильевич, не жалуют. Три кило за день потерял, а ведь они мои кровные! – он посмотрел на коллегу, точно тот мог вернуть ему эти потери: – Это что ж станется с меня, если я тут на месяц застряну? Они думают, мы так, мелкая сошка. Напрасно они так думают... – Он взял вафельный полотенчик с черным квадратиком цехового клейма в уголке, попытался окружить им бедра, но концы не сходились: – Подгузники, что ли? Всё одно к одному. Пошли отсюда! В последний раз приехал. Пусть теперь главный сам ездит или своих конструкторов-стратегов, бездельников, посылает. Это их забота. А мой цех всё как надо сделал. Да чего я тебе говорю! А за МКК металлургов надо спросить.

Командировка красна междусобойчиком. Но в цеховой бане, вопреки всем неписаным законам гостеприимства, командированные парились одни. Другого и не могло быть после скандала, учиненного Берендеем сразу же по приезду в кабинете главного инженера комбината Клюева. Без предисловий Никита Тарасович спустил на Клюева собак за то, что тот растрезвонил на весь Союз о «якобы бракованной продукции», поставляемой «Нежмашем».

– Где выводы комиссии, чтобы утверждать это?! – гремел Берендей.

Попсуев удивился столь жаркой атаке начальника на Клюева, но Никита Тарасович вечером поведал ему о подоплеке: «Хотел услышать, что он скажет. Для острастки полезно первым надавить на противника. Дело в том, Сергей Васильевич, только это секрет, мне летом предложили кресло главного инженера комбината, а я чего-то раздумывать стал, ну вот в него и уселся Клюев. Мы с ним на одном потоке учились».

Одни они зашли и в ресторан при гостинице. Заказали блюда, ждут. За день так и не поели: то цех, то протокол, то кофе из банки, то баня натошак.

– Я им напишу, я им *такое* в протокол напишу... – грозился Берендей. – Встретить не могут по-человечьи, даже если мы им и брак поставили, с кем не бывает. Но ведь брак браку рознь. Браки вообще на небесах совершаются. Фотки они мне кажут, МКК нашли, пятьдесят микрон, невидаль. Можно подумать, первый раз в жизни. А сами белые и пушистые. – Он с тихим негодованием, оставаясь по большому счету невозмутимым, смотрел на Попсуева, будто именно тот корил его коррозией и морил голодом.

Сергей не выдержал:

– Да что ты, Тарасыч, на меня смотришь, как на потребителя?

– А на кого мне еще смотреть? – проворчал Берендей. – На него, что ль? – указал он на портрет Горбачева. Ворчал, ерзал на стуле и вдруг с треском грохнулся на пол. Поднялся с невозмутимым лицом, осмотрел останки стула, рассыпавшегося под ним на несколько частей, выбрал ножку: – Гарсон! Ком хиер¹.

Подбежал официант. Показывает ему ножку:

– У вас нет другой мебели? Замените, голубчик.

После того, как Берендей один выпил бутылку водки (Сергей потягивал пиво), скомпенсировав плотной закуской все потери дня, он обмяк, подобрел и на вопрос, как ему после принятия, изрек:

– От-лично! Я ж генерал! – (Сергей окинул взглядом неохватную мощную грудь Берендея: и впрямь генеральская, как диван, только ордена с медалями в семь рядов цеплять). – Начальник моего ранга раньше, при Никите, да и при Лёне еще, генеральскую должность имел. Шутка ли – тысяча двести семь человек коллектив! В бою и за столом у меня должны быть одинаково ясные мозги!

– Никита Тарасыч, а давай завтра в гостинице оттянемся, по-домашнему. Глинтвейн пил когда-нибудь? Сварю.

– Суп, что ли? Да слышал про него, девки жужжали: глинтвейн, глинтвейн! Но не пил. Чего сидеть, айда прошвырнемся. Внизу жду.

¹ Мальчик, официант (*фр.*). Идите ко мне (*нем.*).

Еще в гостинице Попсуев услышал голоса. Берендей стоял под фонарем, окруженный подростками. Парни кричали и размахивали руками. Никита Тарасович сгреб двух юнцов за шкирку, как котят, потряс ими в воздухе и вернул на асфальт. Склонив обоих в поклоне, сказал:

– Прием закончен! – и подтолкнув так, что оба носом забурились в сугроб, добродушно глянул на остальных, те попятнулись. – Малолетки еще, – вздохнул он, – совсем дураки. Ну да откуда им знать, что я «Запорожец» могу поднять. Особливо после пол литра! – захохотал он на всю улицу.

На завтра к вечеру Попсуев накупил всего, что требовалось, благо, в магазинах ОРСа рабочих снабжали по высшей категории, всего было полно и безо всяких талонов. Слил в трехлитровый чайник бутылки портвейна, вермута, сухого красного вина, выжал лимон, очистил и разломал пару мандаринов, накрошил мармелад, бросил корицу, пакетик ванильного сахара, а затем включил чайник. Подумал-подумал и свалил туда же мандариновые и лимонные корки. Берендей с несвойственной ему живостью следил за приготовлениями.

– Хочешь сказать, что вот *это* можно пить? – несколько раз поинтересовался он. – Столько витамина цэ истребил. С водкой понятней. Говоришь, у них так пьют? Извращенцы.

Чайник закипел, по комнате пополз пьянящий цитрусовый запах, от которого перехватывало горло. Попсуев разлил по стаканам дымящийся красный напиток.

– Пить горячим, чтоб обжигало.

Когда Берендей проглотил один глоток, а второй не смог, Попсуеву стало жаль его. Берендей с тоской огляделся по сторонам, не зная, куда выплюнуть сказочное питье.

– Я давно знал, что там одни придурки живут, – изрек он. – Ты-то что к ним примкнул? Водку купил? «Оттянулись».

Сергей достал водку. 0,75. У Берендея оттаял взгляд. Тут пришел халявщик Брыкин из московского КБ. Он всегда держал нос по ветру и умудрялся приходить к первой рюмке.

– Пьете? – удивился он.

– Хочешь глинтвейн? – Попсуев подал стакан Берендея. – Для разгону.

Брыкин с удовольствием вытянул напиток, шумно выдохнул, наслаждаясь: «А-а-а!.. Какие напитки тут у вас!» Берендей передернулся.

– Водку будешь?

Брыкин ответил, как собака, глазами: буду, мол, и охотно. Берендей откупорил бутылку, разлил. Только конструктор поднес стакан ко рту, Никита Тарасыч, нарушив обычай, отставил свой, достал смятую бумажку из кармана, разгладил ее на столе и сказал: – Мы тут, Глеб Саныч, скидывались... На вот это, – он указал пальцем на чайник и на водку с закуской: – С тебя, так и быть...

– Дверь-то я не закрыл! – вскинулся Брыкин, выхватив ключ из кармана.

– Куда ты? Выпей сперва. Кому твоя дверь нужна? – крикнул ему вслед Берендей, но Брыкина и след простыл. – Поехали, а то еще кого принесет. Хотя в чайнике много бурды. Ну, беленькая! Русь – ее ничем не замутишь.

Берендей выпил, включил телевизор, там шла пресс-конференцию какого-то известного академика, директора института.

– Да, знать бы, где упадешь. Уже жалею, что не приехал в эту глушь. Хорошо тут у них. Всё есть. От одной закуски судороги по телу. Мне тут нравится. Городок, гостиница, коттеджи. Основательные, будто Собакевич строил.

В это время академик в телевизоре ликуяще сообщил: – Скоро появится новый вирус гриппа, и миллиард человек умрет!

Попсуев развел руками: – Вот те на! Радости сколько!

– Не дрейфь, Серега, – сказал Берендей, – мы всё равно в другом миллиарде. Апокалипсис в их миллиарде случится, в «золотом». Там и так уже одни золотари живут.

Для написанья протоколов не надо десять балаболов

Протокол составляли в кабинете заместителя главного инженера. Мнения сторон были полярными. Когда все наорались и подустали, Берендей, до того молчавший, устроился в кресле и попросил минуту внимания. Добродушно и очень складно он двадцать минут вел речь о причинах коррозии, подмигивая металловедам, которые думали, что только они владеют тайнами своего мастерства. Пенял подрядчикам, нарушавшим режимы термообработки и проталкивавшим на «Нежмаш» слитки со скрытыми дефектами. Указывал на конструкторские недоработки и несовершенство приборного контроля. Укорял в лукавстве эксплуатационников, нарушавших режимы эксплуатации. Никто не перебивал, так как у всех рыльце было в пушку, и каждому было что исправлять.

– Предлагаю мировую, – в завершении спича произнес Берендей. – Консенсус. Леди Чаттерлей любила присказку: «Какая ж мисс не любит компромисс?» Вот наш проект...

Проект присутствующие приняли с тремя незначительными поправками.

Когда нежмашевцы вернулись в гостиницу, начальник похвалил Попсуева: – Правильно себя вел, Сергей, не егозил, но и поблажек не давал. Очень хорошо! Надо тебя дальше двигать, на место Поповой, а старушке на печь залезать.

Берендей включил телевизор и, кивнув на беснующихся депутатов, обронил:

– Мы ладно, десять часов орали за-ради дела, а эти чего? Когда в нержавеющей много хрома, хром вызывает МКК...

– Нержавеющие стали / вдруг ржавеющими стали, – не удержался Сергей от экспромта.

– Вот именно. Эти слуги народа хром и есть. Многовато их стало, заботливых. От них страна покрылась трещинами. «Мыслящая» интеллигенция, нам в пику, «немыслящим». Знаешь, в чем ее предназначение? Наливай, дома так не попьешь... Предназначение этих балаболов в разрушении страны, в которой вроде как родились. Чем больше обласканы они страной, тем глубже проникают в ее поры. Хуже азотки. Любую щель ищут, чтобы разесть ее. Разрушая монолит, губят и себя. А потом нас начнут попрекать, что мы кормили их, но не досыта. Попомни мои слова. Они – МКК страны.

Благодарность

Когда начальник НИЛ Диксон получил Попсуевские материалы, он поначалу не поверил, что всё это сделал один человек за пять месяцев. Наметанным взглядом Яков Борисович определил: тут к куме не ходи – кандидатская! При защите, правда, могут сказать: неканоническая, почему так широко? Ну да Яков Борисович, как опытный портной, из любого материала мог скроить и по моде, и по заказчику. Главное к идеям иметь материю, хоть воздух, а уж сшить можно и из воздуха.

Диксон разбил даром полученные исследования на две группы и усадил своего зама Роберта Бебеева (зятя Рапсодова) за написание статей и автореферата диссертации. Главный инженер второй год торопил начальника НИЛ остепенить родственника, пока была возможность протолкнуть того в главк. Благо, кандидатские экзамены Роберт уже сдал. Защитится, куда он денется! Правда, об этом пока никому на заводе знать не надо! Бебеева учить жизни нечего: хватка волчья, ничего не упустит.

Через два месяца Бебеев представил начальнику две статьи и автореферат. Материал получился дрянной, автор показал свою полную беспомощность в описании методики исследования, особенно в математической ее части. Диксону, не ожидавшему такой подлянки от своего нового, навязанного Рапсодовым зама, пришлось переписать всё наново, упорядочить первобытный хаос изложения и исключить три пункта, дискредитирующих Бебеева, как научного работника. Введя в число авторов себя, Бебеева, руководство завода, нескольких свадеб-

ных генералов и Попсуева, Диксон передал статьи главному инженеру. Рапсодов поморщился: «Ну что вы, Яков Борисович, не тот уровень! Мастер, даже старший, ну что вы!», и Попсуева вычеркнули.

Через неделю, к 1 Мая Попсуеву объявили благодарность и премировали «в размере 100 рублей». А спустя два дня в «Вечерке» появился репортаж Шебутного, озаглавленный: «Признанный спортсмен, непризнанный ученый?» В ней журналист излагал как вещи понятные, так и удивительные. Понятно было, что мастера с диссертацией «обули», но многих удивило то, что Попсуев, оказывается, бился за звание чемпиона Европы на саблях.

«Признанный спортсмен, непризнанный ученый?» Репортаж Шебутного

Быть ученым в нашей стране – почетно и заслуженно. На «Нежмаше» трудится немало ученых, чьи достижения имеют огромное народнохозяйственное значение и дают многомиллионный доход государству. В этом году в одном из основных производств (начальник цеха Н.Т. Берендей) было проведено исследование, позволившее повысить качество контроля, вследствие чего существенно уменьшились издержки производства и получен немалый экономический эффект.

Куратор министерства А.К. Иванов, директор завода И.М. Чуприна, главный инженер к.т.н. Б.Г. Рапсодов, главный технолог к.х.н. Р.П. Зверев, главный приборист к.т.н. И.И. Кандаур, начальник НИЛ д.т.н. Я.Б. Диксон и его заместитель Р.Н. Бебеев в отраслевом сборнике опубликовали две статьи. Результатами работы нежмашевцев заинтересовалась Москва, а также многие предприятия отрасли. По материалам этой работы Бебеев подготовил кандидатскую диссертацию. Защита ее состоится в следующем году.

Не обошлось и без казуса. Так, тов. Н.Т. Берендей заявил нашему корреспонденту о том, что основной вклад в проделанную работу сделал старший мастер цеха С.В. Попсуев, но его почему-то не оказалось в числе авторов статей. И вовсе непонятно, почему диссертацию защищает Бебеев, к данной работе имеющий лишь косвенное отношение: он зять главного инженера Рапсодова. В дирекции завода заявление начальника цеха не подтвердили. При этом разъяснили, что старший мастер Попсуев всего лишь молодой специалист, участвовавший с линейным и контрольным персоналом цеха и других подразделений завода в сборе и обработке данных, и до автора научных статей пока не дорос. Но в техническом отчете он фигурирует среди исполнителей.

Главный инженер подвел черту, заявив: «Желание молодого специалиста Попсуева поскорее остепениться и стать признанным ученым вполне оправданно и понятно, так как наш завод является кузницей творческих кадров. Не исключено, что мастер, который склонен к исследовательской деятельности, со временем будет переведен в НИЛ. Пока же ему, выпускнику столичного вуза, проработавшему на нашем заводе всего ничего, надо поднабраться опыта. Согласитесь, два года – это маловато, чтобы вникнуть в нюансы производства и тем более давать рекомендации по его совершенствованию и корректировке ТУ. Всему свое время, признают и Попсуева. Что же касается заявления начальника цеха тов. Берендея, оно вполне понятно и заслуживает уважения, поскольку Попсуев является одним из лучших его работников. К тому же Попсуев мастер спорта международного класса, четыре года назад бился за звание чемпиона Европы на саблях. Из-за полученной раны вынужден был уйти из фехтования. Думаю, что если мы и ранили самолюбие производственного мастера, то всё же не так сильно, как травмировал мастера спорта клинок победителя в том бою».

Что ж, по мнению технического руководителя завода, случай с Попсуевым неприятный, но не трагический. Кому-то везет, кто-то становится чемпионом или кандидатом наук, а кто-то остается вторым или кандидатом в кандидаты. Если разобраться, вторых, третьих и т.д. большинство, и что без них первые? Ведь и пан Володыёвский, помнится, не был чемпионом

Европы, а «главный механикус отечества» Кулибин академиком? Так что Попсуев – полный вперед!

В заключение хочу сказать пару слов о Попсуеве-спортсмене. Я слежу за фехтованием, знаю не только известных мастеров клинка, но и интересуюсь растущими талантами. Одним из самых перспективных, на мой взгляд, пять лет назад был Сергей Попсуев. В 19 лет став мастером спорта международного класса, он вошел в обойму ведущих советских саблистов. Тренеры не без оснований ожидали от Сергея серьезных успехов в международных соревнованиях, но на кубковых соревнованиях в Венгрии с ним произошел несчастный случай, едва не закончившийся трагедией. В бою клинок итальянца сломался и, как масло, прошил камзол Попсуева.

Пройди клинок двумя сантиметрами выше, и этой статьи не было бы. Врачи вытащили Попсуева с того света, но после больницы он уже не смог вернуться в большой спорт. Сергей тогда был студентом четвертого курса Московского энергетического института. Я на время потерял следы Попсуева и вдруг узнал, что по окончании МЭИ он оказался в нашем городе, на «Нежмаше». Мне стало интересно, как сложится его жизнь на поприще инженера. Уверен, что я еще не раз вернусь к нашему герою.

Рубить, так рубить

– Читали это? – спросила Несмеяна, протягивая Попсуеву газету.

– Что там? – небрежно спросил он. – Про завод?

Несмеяна ткнула в заголовок «Признанный спортсмен, непризнанный ученый?»:

– Про вас. Признание в любви.

Попсуев прочел, взглянул на Несмеяну. Та произнесла с насмешкой: – Видите, чем кончилось? Сколько месяцев убили на эксперименты? Восемь? Десять? Это пустяк, не расстраивайтесь. Не всю жизнь, как Свяжский. Я же говорила, на заводе не шпагой, рельсом надо махать. А для этого надо, Попсуев, не уметь, а сметь. Смелость города берет.

Попсуев стиснул в кулаке газету и, ни слова не говоря, бегом припустил в заводоуправление. Через десять минут он зашел в приемную главного инженера.

– У себя? – хмуро спросил Сергей секретаршу. Та с интересом посмотрела на взъерошенного молодого человека.

– Вам что? – певуче протянула она, припоминая: Попсуев, из третьего.

– Главный здесь?

В Сергее всё кипело. Он понимал, что нарушает субординацию, что еще минута, и его карьера пойдет к черту, но уже не мог справиться со своей злостью на несправедливость судьбы. Справься, понял бы, что судьба всегда благоволила ему, даруя лучший из возможных вариантов. Но нет, нет, нет и нет! Он вновь на дорожке, и еще посмотрим, кто кого! И он не только саблист, но и судья. Душу его наполнял восторг, оттого что он сам «замутит» всё это.

– Борис Григорьевич занят, – певуче произнесла секретарша. Она еще в прошлый раз обратила на Попсуева внимание. Диковат, но хорош. Девушка улыбнулась ему. – О чем доложить?

Сергей направился к двери.

– Я же сказала, Борис Григорьевич занят, – дрогнувшим, но по-прежнему певучим голосом произнесла она с чарующей улыбкой, встав на пути Попсуева. Тот легко поднял труженицу под локотки (она зажмурилась, когда увидела в его глазах бешеные огоньки) и отставил в сторону.

– Это что же получается! – с порога бросил Попсуев, взмахивая газетой как саблей.

– Я вас не вызывал. Выйдите!

– Нет уж! Не уйду, пока не получу ответ, почему меня не включили в число авторов статей и почему ваш зять защищает по моим материалам диссертацию?! – Попсуев с грохотом вытащил стул из ряда, упал на него, закинул нога за ногу.

– Вы что себе позволяете? – побагровел главный инженер.

В открытую дверь заглянула половина секретарши. Рапсодов как-то беспомощно взглянул на нее и махнул рукой. Та скрылась, и вскоре появился начальник режимной службы Синьков. Преторианец молчком подошел к Попсуеву и крепко взял нахала за шиворот, захватив клочок волос. Сергей отбросил стул из-под себя, перехватил руку Синькова, а второй рукой схватил его за мягкий подбородок и швырнул на стол в направлении Рапсодова. Режимник заскользил, сметая бумаги, а Попсуев покинул кабинет, хрястнув дверью. Синьков, не смея взглянуть на Рапсодова, лазил под столом и собирал сметенные листочки.

Секретарша подскочила со своего места и непроизвольно сделала пару шажков к выходу. Сергей сел за ее стол, взял лист чистой бумаги и размашисто набросал на нем несколько строк. Оставив лист на столе, пошел в общежитие.

– Я его посажу! Он у меня, сукин сын, на рудники пойдет! Он у меня в дурдоме сгниет! – тряся от возбуждения главный инженер, бестолково перебирая на столе документы и письма, понимая, что всё уже свершилось: Попсуев хоть и буян, да герой, а вот он слабак.

Через пять минут о случившемся доложили Чуприне. Передали и заявление Попсуева: «Директору завода т. Чуприне И.М. от старшего мастера цеха №3 Сергея Васильевича Попсуева. Заявление. Прошу уволить в связи с подлым поведением руководства завода. С.В. Попсуев».

Чуприна вызвал Рапсодова, с искорками в глазах расспросил, что за корриду устроил тот у себя в кабинете. Главный объяснился, протянул газету. Пока директор читал, Рапсодов, не умолкая, грозил Попсуеву всеми мыслимыми и немыслимыми карами: – Он у меня волчий билет получит!..

– Ладно, Борис Григорьевич, хватит сопли жевать. Сам кашу заварил. Ты заявление читал? А статью? Почитай, почитай! Шибко вы парня обидели.

– Кто кого еще обидел.

– Сам обиделся? Пряма, унтер-офицерская вдова! Обиду проглоти, радуйся, что не получил, как Синьков. Почему я ничего не знал про это? Что автор Попсуев? Почему этот... Бебеев... украл чужой труд? Кто готовил это?

– НИЛ и главный технолог.

– Передай, чтоб подмылись, через десять минут ко мне. И Берендея позови, но не к началу.

– Иван Михайлович!

– Чего тебе?

– Но я не давал интервью! Я не знаю никакого Кирилла Шебутного!

– Ладно, иди! Не знает он... Знаем мы!

Крылья, как у ангелов, за спиной

Каково было удивление Попсуева, когда в семь вечера в комнату зашел Чуприна. Сергей лежал, закинув руки под голову и задрал ноги на спинку кровати, и размышлял. Пока вся эта утренняя возня никак не откликнулась, будто ее и не было вовсе. Не ясно было, что же теперь делать. Во всяком случае, идти на завод бессмысленно. «Надо ждать. Кто-нибудь сам придет. Смирнов или Орест, или Берендей. А то и приедут – менты. И поведут под белы ручки... А за что?!» Раскаяния не было в нем. Он даже представил невообразимое: «Рапсодов вызывает на дуэль. А я ему отвечу, как Арбенин: «Стреляться? с вами? мне? вы в заблужденье».

О Татьяне он не вспомнил ни разу. А вот Несмеянины слова «Надо, Попсуев, не уметь, а сметь. Смелость города берет» не таяли, а словно детские кораблики качались на волнах памяти. И такая досада брала от них! А тут еще ее немеркнувшее насмешливое лицо...

– Лежишь, мастер? – Директор, озирая обстановку, стоял в дверях. За ним угадывались сопровождающие. Взглянув на них, Чуприна закрыл за собой дверь. Сцена напомнила Сергею египетскую фреску: фараон и людишки у его ног...

Попсуев поднялся с кровати.

– Да ты лежи. Имеешь право. Я ж пред тобой подлый человек. Чернорабочий или поденщик. Вот только, чтобы знал ты, категорию подлых людей на Руси упразднили еще в одна тысяча семьсот сорок втором году. Мальчишка! Да как смел ты написать мне эту цидулку! – Чуприна достал из кармана свернутый вчетверо листок.

Попсуев молчал, спокойно глядя в глаза директору.

– Погодь-ка, – вздохнул Иван Михайлович, положил ему свою широкую ладонь на плечо, усаживая на кровать. – Я зараз.

Он вышел в коридор, притворив за собой дверь. Пару минут слышалась невнятица голов, потом удаляющиеся шаги. Зашел Чуприна.

– Вот что, Сергей Васильевич, поехали ко мне, там в спокойной обстановке решим, ху из ху, а кто пи из пи. Не люблю общаг.

Попсуев молча вышел. В коридоре было пусто. Вахтерша поднялась со стула, завидев их.

– Да ты не скачи, Петровна. Как спина-то?

– Да спасибочки, Иван Михайлович, сижу вот.

– Ну, сиди-сиди. Дюже не прыгай. Моя шкуркой лечится.

– Привет ей!

На улице тоже никого не было. Подошли к черной директорской «Волге».

– Свободен пока, Василий, я сам, – сказал Чуприна водителю. Взглянул на часы. – Часика через два позвони.

Директорская квартира располагалась неподалеку в одной из первых городских пятиэтажек элитного 33-го квартала. На просторной площадке второго этажа была еще одна дверь, также обитая черным дерматином.

– Там твой хороший знакомый живет, – ухмыльнулся директор. – Рапсодов. Заходи. Полина Власовна, знакомься, Сергей Васильевич.

Полина Власовна подала руку Попсуеву, приветливо улыбнулась и скрылась на кухне. У Сергея как-то разом снялся напруг в теле и мыслях. Громадная прихожая полногабаритной квартиры с несколькими пальмочками в горшках произвела на гостя неизгладимое впечатление.

– Небось лучше, чем в ночлежке? Тапки обувай, проходи в кабинет. А я пойду, блюда закажу. Не ел, поди? Да и я весь день не трескал. На кухню не приглашаю, извини, погром. Раковины меняю. Вон на диван падай.

Попсуев не удивился, что директор сам меняет раковины. О Чуприне шла молва, что он всего в жизни добился своими руками, и даже по дому и на даче всё делает сам.

Сергей сел на огромный кожаный диван, огляделся. В угловой квадратной комнате с высокими потолками и двумя широкими окнами стоял широкий же стол и несколько стульев. Два книжных шкафа забиты книгами. В углу два кожаных кресла, журнальный столик, торшер. Попсуев наклонился к полу, разглядывая празднично яркий паркет. На светлом фоне выделялись темные волокна, придававшие объемность рисунку. Сергей погладил плашки пальцами.

– Сам укладывал, – с гордостью похвастал Чуприна. – Ясеньвый. Плашки не абы какие, селек, два дня отбирал. Как?

– Классно, Иван Михайлович, – искренне похвалил Попсуев.

– Классно, – повторил Чуприна. – Вам всё классно. Высший класс! Один чех обучил в сорок девятом году. Сам-то он мастер по старинным дворцовым паркетам.

– А тут чего делал?

– А тут бетон мешал. Зэк. Руки золотые, но горячие, с кем-то поцапался и сгоряча своротил скулу. А ему еще халтурку левую припаяли... Завод-то мы строили вместе со спецконтингентом в одной зоне. Там и работали, там и спали. Вот, хочешь альбом поглядеть, нигде не увидишь больше, даже в заводском музее.

Чуприна вытащил из сейфа в шкафу толстый в кожаном переплете альбом.

– Подь сюда, – он сел в кресло, перевернул обложку. – Вот так завод начинался, с этой котловины, с этого болота. Я вон тот, худющий. Ты полистай пока, а я Полину Власовну проведу, что-то она тянет.

На черно-белых фотографиях были запечатлены удивительно простодушные люди, прилежно-строгие или с застенчивыми улыбками и капельками света в глазах, со светлыми лицами, на которых вовсе не было того страха, о котором в последнее время прожужжали уши озабоченные народным счастьем телеведущие. Попсуев почувствовал в себе странную зависть к этим доживающим сегодня свою жизнь людям. С бутылкой «Петровской» водки зашел Чуприна, следом Полина Власовна закатила столик.

– Нам сюда, Поль, в креслах посидим. Падай, Сергей Васильевич.

Чуприна разлил водку, полюбовался на свет: – Янтарь, искры брызжут. Ну, за консенсус. Помидорки бери, Сергей Васильевич, закусывай, огурки. Сам солил. Тут вишневый лист, дубовый, смородиновый.

Попсуев с удовольствием похрустел терпким огурчиком, с наслаждением высосал сладкий острый помидор, и с удивлением осознал, что не чувствует никакой дистанции между директором и собой, хотя отдавал себе отчет, что эта дистанция огромна, больше Скалозубовой.

– Полистал? Как альбом?

– Полистал. Сначала подумал: «Кладбище ушедших мгновений», а потом передумал: «Роддом будущих».

– Правильно передумал. Ты, я гляжу, поэт. На заводе должны работать поэты. Без них развития не будет. Кстати, ты стихи здорово читаешь. В ДК на вечере. Мне понравилось. В кружок ходил?

– В институтском театре играл.

– Всюду успел, – Чуприна помолчал, лицо его разгладилось, и в глазах появилась мечтательность. – Дивишься, поди, глядя на нас тогдашних. Я и сам дивлюсь. Будто и не мы то. У меня в смене Еськов был (помер уже), когда женился, директор Земцов квартиру ему выделил, а тот – куды мне, комнаты хватит. И его тогда все прекрасно поняли, это сейчас за сапоги югославские удавятся. Общий у всех язык был, русский еще. Не знаю, когда вы оглянетесь назад, что увидите. Себя небось не признаете. Так быстро всё меняется, и не к лучшему. К концу, что ли... – задумался Чуприна. – Ладно, соловья баснями не кормят, наливать надо. – Он с добродушным смешком разлил водку. – У нас поговорка на стройке была: думай меньше, бери больше, кидай дальше. Думать – не всегда полезно. Порой лучше брать и кидать, чем лежать и думать.

– Почему же, – возразил Сергей, – можно и с думой кидать.

– Ага, спасибо за подсказку. – Чуприна достал из кармашка заявление Попсуева, развернул его, прочитал, подняв бровь, с заметным удовольствием разорвал пополам и еще раз пополам и кинул обрывки в корзину под стол. Взял в руки рюмку и чокнулся с Сергеем. – За это и выпьем. Кто старое помянет, тому глаз вон. Хороша, сволочь, вот тут так и жгёт. Будем считать, ничего не было. Не тревожься, никто не вякнет, и волос с твоей головы не упадет.

– Да я за это и не беспокоюсь.

– Верю. Синькова ты хорошо покатал. Как по катку. Фехтовал за сборную?

– Да приходилось, – покраснел Попсуев.

– Да ты не смущайся. Это я должен смущаться. Не каждый день за столом с обладателем Кубков сидишь. Знаю про тебя. Среди наших эков тоже спортсмены были, даже чемпионы. Давай на диванчик присядем, поглядим в альбом.

Они выпили по третьей рюмке и уселись на диван.

– Не торопиться? – обратился он к Попсуеву.

– Нет.

– И я не тороплюсь. Торопиться по жизни – не жить. Вот, гляди. Это промплощадка. Ее сам министр выбирал. Два раза приезжал. Тут везде были болота. А вот под нами, – он похлопал по дивану, – озеро. Утки плавали, охотники охотились. Это я бурю с солдатами площадку, беру пробы грунта для исследования. Чуток пробуришь, вода стоит, грунт-то пльвун. Это я на практике под Москвой. Вот принимаю оборудование. А вот в июле сорок девятого вместе с первыми кадрами, я за ними ездил в Воронеж и Ростов, в тех краях моя станица. На Северском Донце. Не бывал? А это моя первая хата.

На пожелтевшей фотографии была небольшая комната, одна к другой семь кроватей, тумбочки, стол в углу, на нем электрическая плитка.

– Тут нас было двенадцать человек.

– Не понял, Иван Михайлович. Кроватей-то семь.

– А чего тут понимать? На двоих одна кровать, спали по сменам. Пока один на смене, другой отсыпается. Седьмая – для больных и командированных.

– А чего потолка не видать?

– Высоко потому что, одиннадцать метров. С нас квартплату поначалу не за квадратные метры, а за кубические брали. Потом разобрались. А вот эти красавцы – эки. Они на самых тяжелых работах были.

– И что, вот так вместе, не отдельно?

– Тогда в школе мальчики и девочки учились отдельно, а с эками нет, вместе. Да они нас и не напрягали шибко. Их словно и не было. Двери мы не запирали. Фортки настежь. Воровства не было. Да и чего воровать? Чайник, если у кого, это как ГАЗ М-20 «Победа». А из них треть были рецидивисты.

– И долго жили так?

– Да не очень. С полгода, а потом на поселке дома стали сдавать, семейным комнаты выделять. Там же расселяли и одиноких, человек по пять.

– В основном молодые все, – Попсуев вглядывался в лица, стараясь угадать в них сегодняшних стариков, – вот тут вообще дети. Только чересчур серьезные.

– Молодым везде у нас дорога. – Чуприна закрыл глаза и очень ярко вспомнил заводскую площадку сорок девятого года, «зону». Она была как огромная незаживающая рана, с многочисленными растворобетонными узлами, где день и ночь кипела работа, и как черви копошился подлый люд. Станки под открытым небом. Стены без крыш, зияющие оконные проемы. Снег на оборудовании, вода. Нескончаемый холод, пронизывающий до костей... – Стариков-то и не было тогда, не успели еще состариться. Рабочим шестнадцать лет, мастерам двадцать, начальникам тридцать, ну а конторским под сорок лет, фронтовики. А вот глянь-ка на чумазеньких.

– Шахтеры?

– Мы после смены. Это не уголь и не грязь, снег такой. От сажи всё черное было, вон там паровоз стоял, отапливал корпус. А вот я – начальник смены, с усами, Полину охмурял, устанавливаю забор-«колючку» по периметру завода.

На фотографии Чуприна кувалдой загонял кол в землю. На следующей фотографии Попсуев с удивлением увидел намалеванных на стене голых женщин, мастерски прорисованные мужские и женские гениталии, отборную матерщину, забористые стишки.

– А, это наша Третьяковка, – с усмешкой сказал Чуприна. – Попадались просто асы. Эки всякие сидели. Но по пятьдесят восьмой ни одного, все уголовники. С нынешними не сравнить. Вежливые, предупредительные, просто нянечки из садика. Когда стали монтировать оборудование, первыми стахановцами были они. Монтаж, кровь из носу, выполняли на сто пятьдесят один процент – за это им сокращали срок. А мы в качестве кураторов проверяли их работу и просчитывали процент выработки. С чехом я тогда и сошелся. Пршимысл звали, не выговоришь. Каюсь, разок-другой завысил, но процентов на пять. Колбасу иногда носил ему, водку. Пару раз задерживали, объявляли выговор. А на мне этих выговоров, как репьев на псе. Это я первого апреля пятидесятого года, видишь, какой гордый стою, подбоченился. А ведь это, можно сказать, после пинка чуть-чуть не вылетел с завода.

– Было такое?

– Да с кем не бывало по-молодому, – подмигнул Иван Михайлович. – Позвонила секретарша директорская, вызывает Земцов. Земцов крутой мужик был, не чета последующим директорам. Не то, чтобы струхнул я, а прикинул, зачем я ему сдался «первого апреля – никому не веря», к тому же суббота была, и не пошел. А в понедельник вызывают уже «на ковер». Захожу. Ну, а он меня с порога по матушке: за тобой что, так растак, конвой посылать?! А я что, я тоже не лыком шит, фронт за спиной, как крылья у ангела. Я ему в ответ. Он мне в три этажа, а я ему еще с мезонином. А сами глаза в глаза, кто кого, как два сверла. Штукатурка сыпалась от матюгов. «Диплом ложь на стол!» – орет. А я ему: «Хрен дам! Самому нужен! Не вы давали, не вам отбирать!» С тем хлопбыстнул дверью и к себе ушел.

Чуприна замолчал, вглядываясь в фото. Казалось, в его глазах они оживали.

– А потом? – не выдержал Попсуев.

– Что потом? А, с Земцовым? Помирились. Два мужика завсегда помирятся, если у них крылья, как у ангелов, за спиной. Сам ко мне пришел.

– Иван Михайлович, Василий, – заглянула в кабинет Полина Власовна.

– Ну, что ж, Сергей Васильевич. – Чуприна поднялся. – Рад был с тобой запросто поговорить. Ты мужик, гляжу, хоть и ёрш, да в уме. Не прав Рапсодов. Зятя двигает. Да и завидует, такую работу проверить! На заводе вряд ли еще кто так сможет. Завтра в цех выходи, Берендея порадуешь. Станут забижать, по столам больше кадрами не разбрасывайся, ко мне приходи, жалься. А лучше не жалься. Я не всегда такой добрый. Ладно, ступай.

Попсуев поблагодарил хозяев, обулся, надел пальто и взялся за ручку двери. Ему не хотелось уходить из этого ставшего вдруг родным дома. Он со щемящим чувством подумал, что такой приязни к чужому углу он не испытывал уже почти пятнадцать лет.

– Да, – остановил его Чуприна. – Ты уж извини, в авторы тебя не впишешь, поздно, но и Бебееву кандидатом не быть! Отзовем автореферат. Тебя я отмечу, не сейчас. Эффект, что насчитают плановики для всех этих «авторов», перечислим на детдом. А на свои я еще одну коровенку в Голландии куплю, для нашего совхоза. Есть у меня такая традиция – премиальные на коров трачу, на голландскую породу. У них молоко, как сливки, жирность больше четырех процентов! Уж шибко люблю их продукцию. Больше заводской.

Попсуев молча кивнул (ему вдруг перехватило горло) и вышел с теплым чувством в груди. Весь свет показался родным, хоть и была темень на дворе, там, где тянулись рядами гаражи.

Из «Записок» Попсуева

«... только вышел от Чуприны, гляжу, от гаражей навстречу идет мужчина. Поравнялись. Бебеев. «Привет, – говорю. – К тестю?» А он, оказывается, и не мужчина вовсе, шарахнулся от меня, как черт от ладана. Невольно захохотал ему вслед, как Мефистофель, и проорал: «Смотри, Робертино: защитишься – убью!» И так легко стало на душе, словно от смертного греха освобожден. Главное не в той грязи, что вокруг, а в той чистоте, которая в тебе...»

Вакансии всегда есть

Чуприна вызвал к себе Берендея, дольше обычного расспрашивал о цеховых делах, интересовался нуждами, что-то записывал в своей книжечке, а в конце встречи спросил: – Ну что, Никита Тарасыч, кадров, говоришь, тебе не даю? Жалишься всем, что не даю, жалься и мне.

– А чего жаловаться? Бесплезно!

– Почему бесплезно? Небось, не вую. Ладно, Берендей. Тебе сколь мастеров надо? Двух? Будут тебе молодые! Дронов, чай, уж просветил, пришли на завод. Трех человек хватит?

Берендей просиял: – Иван Михайлович, конечно!

– Вот и ладно. А одного у тебя зараз заберу. Для компенсации.

– А кого?

– Да тоже из молодых, но трошки обкатанного. Попсуева отдашь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.